

ЦЕНТР
СТРАТЕГИЧЕСКИХ
РАЗРАБОТОК

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
КАПИТАЛ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ РОССИИ

ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ДОКЛАД

МОСКВА
НОЯБРЬ 2017

СОДЕРЖАНИЕ

3.....	Информация об авторах
5.....	Введение
7.....	Вызовы неонаселенности
8.....	Прекращение роста населения
11.....	Снижение места России в мировой демографической иерархии
13.....	Несоответствие численности населения и размера территории
17.....	Вызовы структурных демографических изменений
23.....	Вызовы низкой рождаемости
31.....	Вызовы высокой смертности
43.....	Вызовы внутренней миграции
47.....	Временная трудовая миграция — отходничество
49.....	Проблемы трудовой миграции, трудовых мигрантов и их семей
51.....	Вызовы иммиграции
61.....	Вызовы эмиграции
69.....	Заключение

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕВ Евгений Михайлович — кандидат физико-математических наук, заведующий Международной лабораторией исследований населения и здоровья НИУ ВШЭ

ВАРШАВСКАЯ Елена Яковлевна — доктор экономических наук, профессор кафедры управления человеческими ресурсами НИУ ВШЭ

ВАСИН Сергей Алексеевич — старший научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ

ВИШНЕВСКИЙ Анатолий Григорьевич — доктор экономических наук, директор Института демографии НИУ ВШЭ

ДЕНИСЕНКО Михаил Борисович — кандидат экономических наук, заместитель директора Института демографии НИУ ВШЭ

ЗАЙОНЧКОВСКАЯ Жанна Антоновна — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ

ЗАХАРОВ Сергей Владимирович — кандидат экономических наук, заместитель директора Института демографии НИУ ВШЭ

КАРАЧУРИНА Лилия Борисовна — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ

КВАША Екатерина Александровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ

КОЗЛОВ Владимир Александрович — кандидат экономических наук, научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ

МКРТЧЯН Никита Владимирович — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ

ПЬЯНКОВА Анастасия Ивановна — кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ

САКЕВИЧ Виктория Ивановна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ

СОРОКО Евгений Львович — кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ

ФАТТАХОВ Тимур Асфанович — младший научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ

ХАРЬКОВА Татьяна Леонидовна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ

ЩЕРБАКОВА Екатерина Михайловна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ

ВВЕДЕНИЕ

Демографические вызовы принадлежат к числу главнейших вызовов XXI века, и они стоят не только перед Россией. Требующие ответа вызовы обусловлены прежде всего глубокими изменениями в самом ходе демографических процессов, объединяемыми понятием «демографический переход». Эти изменения объективны, закономерны и в целом прогрессивны. Тем не менее они порождают серьезные проблемы, так как требуют существенной «перенастройки» многих социальных и экономических институтов, культурных и правовых норм и практик, сложившихся в прошлом и исторически адаптированных к тем демографическим реалиям, которых больше не существует.

Примером могут служить необратимые изменения возрастной структуры, так называемое «демографическое старение». Новая возрастная структура не хуже и не лучше прежней, но она другая и никогда уже не станет такой, какой была в еще сравнительно недавнем прошлом. Этот фундаментальный демографический сдвиг ставит в новые условия практически все системы жизнеобеспечения общества: рынок труда и потребительский рынок, системы образования и здравоохранения, пенсионную систему и систему организации досуга — этот список далеко не исчерпывающий. Приспособление к новым условиям и есть тот вызов, ответ на который с разной степенью успеха ищут все страны, и Россия не составляет исключения.

Но в России острота этого вызова усугубляется целым рядом исторических и даже географических обстоятельств, уходящих корнями иногда в далекое, иногда — в совсем недавнее прошлое. Наиболее очевидные из этих обстоятельств — социальные и военные потрясения первой половины XX в. Они дестабилизировали демографические процессы, деформировали половозрастную пирамиду населения страны и тем самым породили долговременные последствия для демографического развития России, которые не изжиты и до сих пор. В то же время нельзя не видеть,

что социальная политика как в послевоенном СССР, так и в постсоветской России во многом игнорировала как возможности, создаваемые демографическим переходом, так и порождаемые им вызовы, что тоже неблагоприятно сказывается и на нынешней демографической ситуации страны, и на ее демографических перспективах.

Таким образом, стоящие перед Россией демографические вызовы объединяют в себе вызовы, порожденные как эволюционными процессами, общими для всех стран, так и пертурбационными факторами, характерными для последнего столетия российской истории.

В докладе рассматриваются 7 групп таких вызовов:

- вызовы недонаселенности;
- вызовы структурных демографических изменений;
- вызовы низкой рождаемости;
- вызовы высокой смертности;
- вызовы внутренней миграции;
- вызовы иммиграции;
- вызов эмиграции.

В заключении приводятся некоторые соображения по поводу способов ответа на эти вызовы и необходимых для их реализации мер социальной политики. Однако авторы доклада отдают себе отчет в том, что их возможности обсуждать такие меры ограничены. Эти меры должны быть комплексными, затрагивающими самые разные сферы жизнедеятельности общества. Их разработка предполагает объединение усилий очень широкого круга экспертов, включающего представителей многих специальностей.

1.

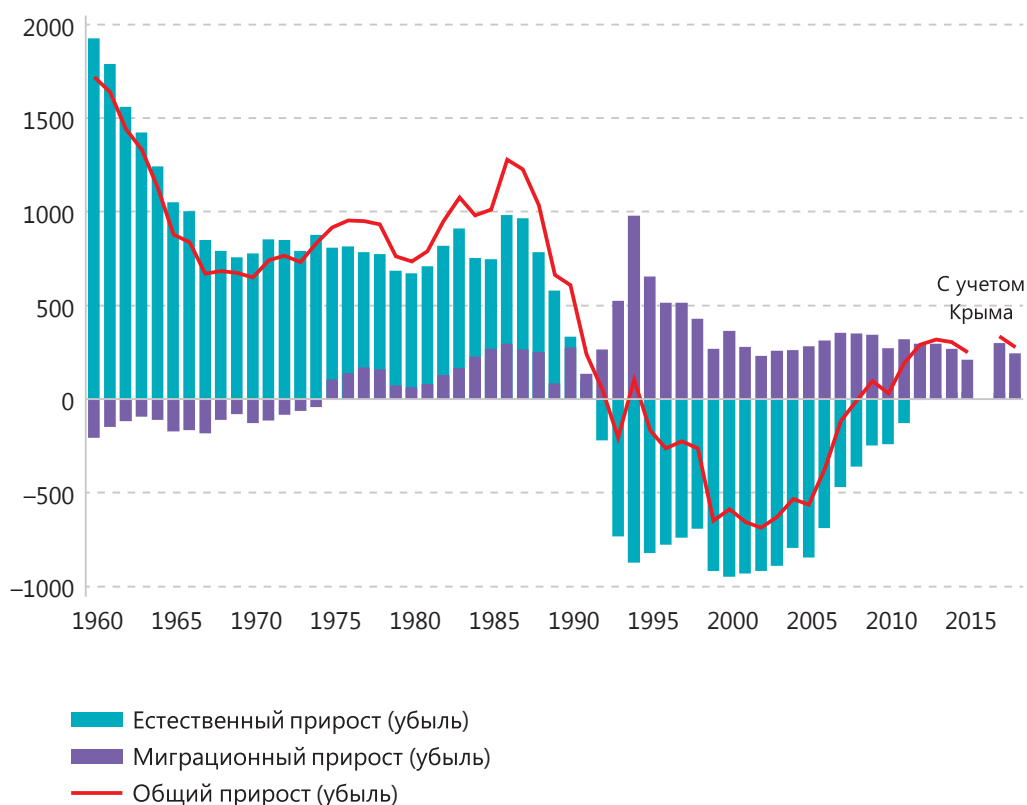
ВЫЗОВЫ

НЕДОНАСЕЛЕННОСТИ

ПРЕКРАЩЕНИЕ РОСТА НАСЕЛЕНИЯ

Население России на начало 2017 г. составляло 146,8 млн человек. Долгое время население России росло, немногим более, чем за 50 лет, — с 1950 по 1993 г. — оно выросло в полтора раза — со 101,4 до 148,6 млн человек. Затем рост населения прекратился. Это прекращение было не временным случайным событием, а закономерным результатом длительного демографического неблагополучия. Население страны давно уже увеличивалось, лишь благодаря инерции, накопленной в возрастной структуре, уровень рождаемости не обеспечивал простого воспроизводства населения России, начиная с середины 1960-х годов. С середины 1970-х годов некоторый вклад в рост населения вносила также миграция из бывших советских республик (рис. 1).

Рисунок 1. Компоненты прироста населения России, тыс. человек

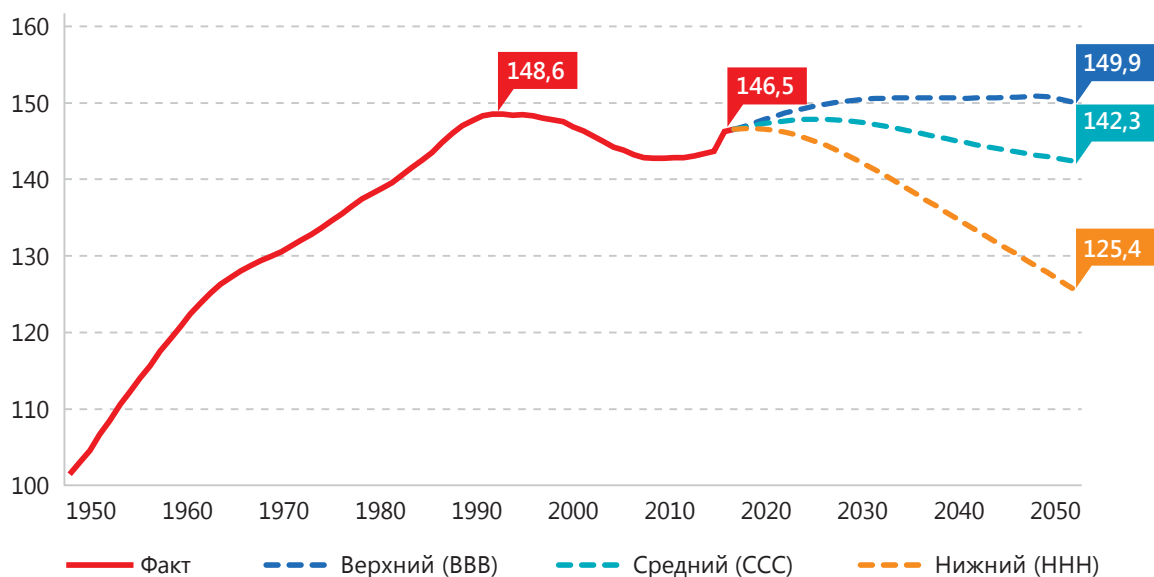

После 1993 г. началось сокращение населения страны, которое продолжалось 14 лет. Последние 8 лет (2009–2016 гг.) население растет, но рост невелик. За 8 лет роста население увеличилось всего на 1,8 млн человек (без учета Крыма), и даже с учетом населения Крыма оно не вернулось к уровню 1993 г., после которого началась убыль населения. Главная же проблема заключается в том, что длительное сохранение даже этого небольшого роста маловероятно.

Как следует из рис. 1, нынешний рост обеспечивается почти исключительно за счет миграции. Положительный естественный прирост, появившийся в 2013 г., имел, скорее, символическое значение, по своей величине он был ничтожен, достиг 32 тыс. человек в 2015 г. (для сравнения укажем, что в 1985 г. он составлял 745 тыс. человек, в 1975-м — 809 тыс.), а в 2016 г. снова была зарегистрирована небольшая естественная убыль. Она неизбежно будет быстро нарастать и даже по самому оптимистическому прогнозу к 2035 г. может приблизиться к 400 тыс. человек, а в случае если реализуется наиболее пессимистический вариант, может достичь 1 млн человек. В любом случае, возможности роста населения России в ближайшие десятилетия весьма ограничены.

Рисунок 2. Численность населения России: 1950–2050 гг., с 2017 г. — три варианта прогноза, млн человек

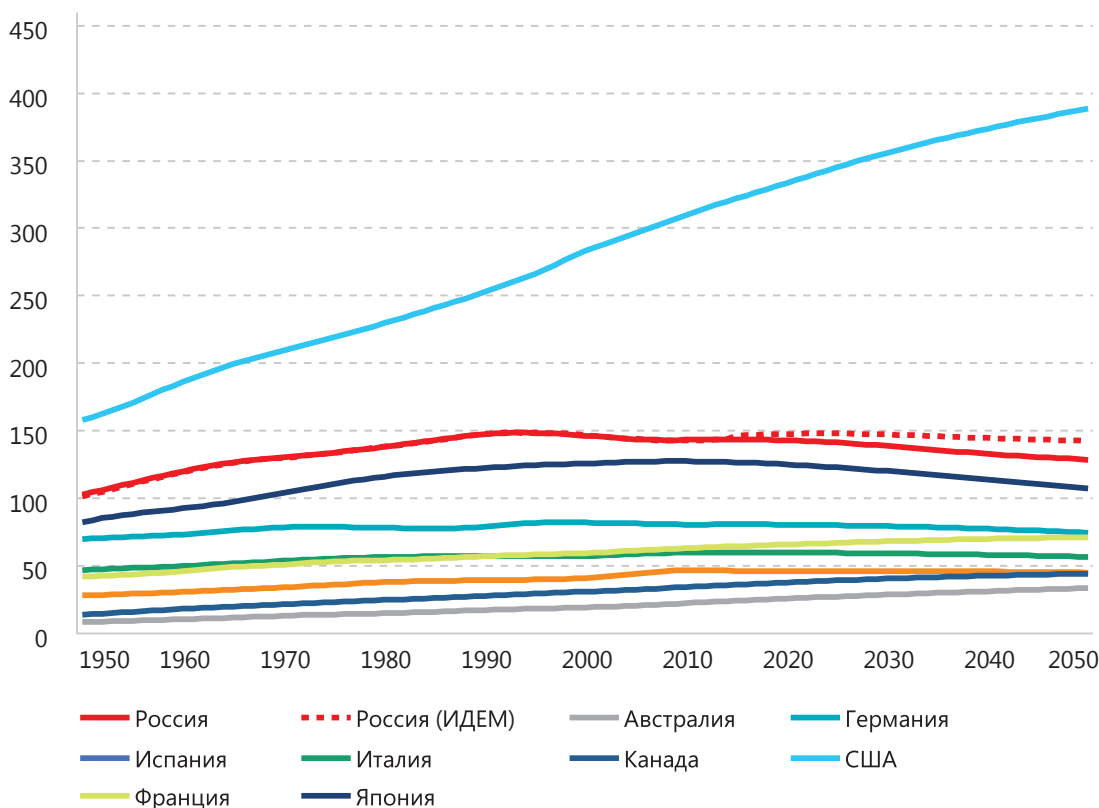

Примечание. На рисунке 2 и на некоторых последующих рисунках приведены 3 из 36 вариантов прогноза: наиболее оптимистический (верхний); средний; наиболее пессимистический (нижний). Многообразие вариантов отражает множество различных комбинаций сценариев рождаемости, смертности и миграции, каждый из которых имеет свои верхний (В), средний (С) и нижний (Н) варианты. Соответственно верхний вариант на рис. 3 получен объединением верхних сценариев рождаемости, смертности и миграции (ВВВ), средний — средних сценариев (ССС), нижний — нижних сценариев (ННН).

Из 36 рассмотренных вариантов демографического прогноза, выполненного Институтом демографии в 2016 г., 32 предсказывают большее или меньшее сокращение населения к 2050 г. Только в исключительно благоприятном случае оно может стабилизироваться на уровне около 150 млн человек (рис. 2), но этот вариант предполагает непрерывное наращивание миграционного прироста с нынешних 330 до 500 тыс. человек в год. Если же ставить вопрос о росте населения России, то миграционный прирост должен быть большим.

Имеется также демографический прогноз ООН для России. Согласно среднему варианту этого прогноза, население России сократится к 2050 г. не до 142,3 млн. человек, как по среднему варианту прогноза ИДЕМ НИУ ВШЭ, а до 128,6 млн. Это различие объясняется, в основном, тем, что прогноз ООН предполагает меньшие объемы миграции в Россию, что соответствует настроениям российского общественного мнения.

Рисунок 3. Численность населения России и некоторых развитых стран по среднему варианту прогноза ООН 2015 года

Источник: UN Population Division (2015). World Population Prospects: The 2015 Revision, DVD Edition

Прекращение роста населения России не является чем-то исключительным на той стадии демографического развития, на которой находятся сейчас все развитые страны. Об этом свидетельствует и прогноз ООН: прогнозируемая динамика численности населения в большинстве этих стран сходна с ее динамикой в России (рис. 3). Исключение представляют только США, для которых прогноз ООН предполагает ежегодный миграционный прирост населения почти в 10 раз больший, чем для России (3,8 млн человек за 2015–2050 гг. в России и 35 млн — в США).

СНИЖЕНИЕ МЕСТА РОССИИ В МИРОВОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ

Одним из следствий прекращения роста населения России является снижение ее места в мировой демографической иерархии, хотя оно снижается также и из-за ускорения роста населения в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Россия все еще остается одной из очень крупных по населению стран, входящих в первую их десятку. Однако если в 1950 г. она занимала 4-е место среди самых населенных стран мира, уступая только Китаю, Индии и США (а СССР тогда находился на третьем месте после Китая и Индии), то теперь она отодвинулась на 9-е место, а к 2050 г., если верить прогнозу ООН, будет занимать в списке крупнейших стран только 15-е место (табл. 1). И даже если окажется верным наш, более оптимистический прогноз, учитывающий, в отличие от прогноза ООН, и население Крыма, то Россия может подняться в списке стран максимум на две-три позиции, примерно сравнявшись по численности населения с Египтом.

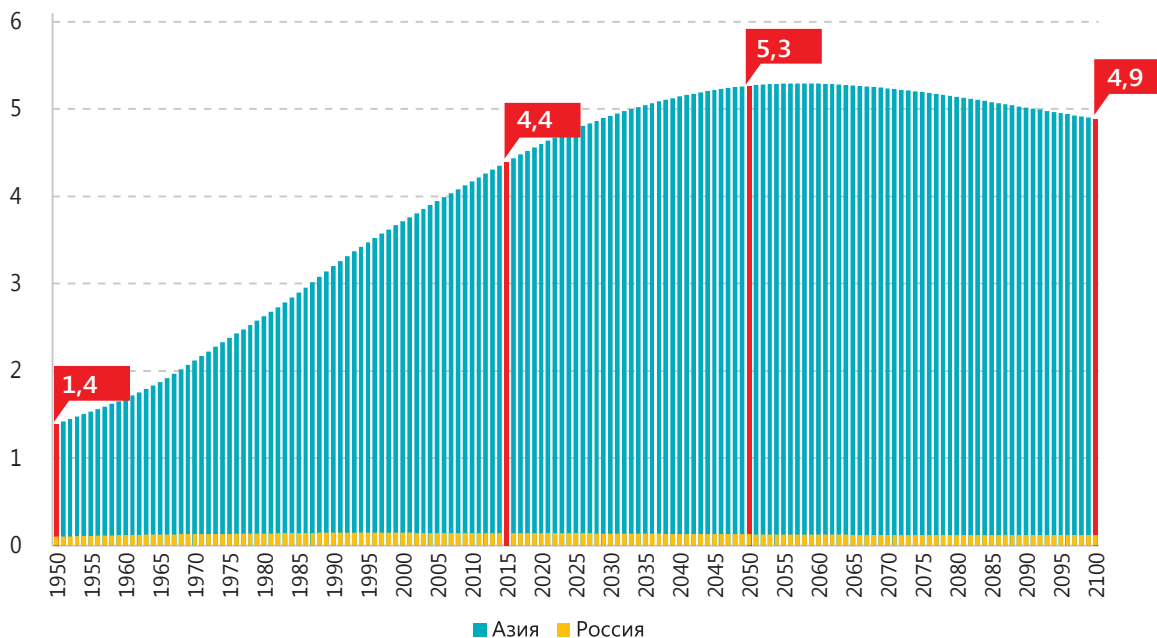
Учитывая, что три четверти территории России находятся в Азии, следует обратить особое внимание на изменение «демографического веса» России среди азиатских стран, среди которых есть и ее близкие соседи. В 1950 г. Россия была третьей по населению страной Азии, сейчас она отодвинулась на шестое место, в 2050 г. будет на седьмом. При этом следует учитывать не только то, что ее обгоняют крупнейшие страны Азии — Индонезия, Пакистан, Бангладеш, Филиппины, — но и то, что с ней все больше сближаются по численности населения такие соседние страны, как Турция и Иран. В 1950 г. население Турции составляло 21 млн человек, Ирана — 17 млн. Сейчас население каждой из этих стран превышает 80 млн человек и продолжает расти.

Таблица 1. Численность населения стран, в которых проживает совокупно три четверти населения мира в 1950, 2015 и 2050 г. млн человек

1950			2015			2050		
Ранг	Страна	Тыс. человек	Ранг	Страна	Тыс. человек	Ранг	Страна	Тыс. человек
1	Китай	545	1	Китай	1376	1	Индия	1705
2	Индия	372	2	Индия	1311	2	Китай	1348
3	США	158	3	США	322	3	Нигерия	399
4	Россия	103	4	Индонезия	258	4	США	389
5	Япония	83	5	Бразилия	208	5	Индонезия	322
6	Индонезия	77	6	Пакистан	189	6	Пакистан	310
7	Германия	68	7	Нигерия	182	7	Бразилия	238
8	Бразилия	54	8	Бангладеш	161	8	Бангладеш	202
9	Великобритания	51	9	Россия	143	9	Конго (ДР)	195
10	Италия	46	10	Мексика	127	10	Эфиопия	188
11	Бангладеш	44	11	Япония	127	11	Мексика	164
12	Франция	42	12	Филиппины	101	12	Египет	151
13	Пакистан	41	13	Эфиопия	99	13	Филиппины	148
14	Украина	37	14	Вьетнам	93	14	Танзания	137
15	Нигерия	37	15	Египет	92	15	Россия	129
16	Испания	28	16	Германия	81	16	Вьетнам	113
17	Мексика	28	17	Иран	79	17	Япония	107
18	Вьетнам	27	18	Турция	79	18	Уганда	102
19	Польша	25	19	Конго (ДР)	77	19	Турция	96
20	Египет	22	20	Таиланд	68	20	Кения	96
			21	Великобритания	65	21	Иран	92
			22	Франция	64	22	Ирак	84
			23	Италия	60	23	Судан	80
			24	Южная Африка	54	24	Великобритания	75
			25	Мьянма	54	25	Германия	75
			26	Танзания	53	26	Нигер	72
						27	Франция	71
						28	Мозамбик	66
						29	Южная Африка	66
						30	Ангола	65

Источник: UN Population Division (2015). World Population Prospects: The 2015 Revision, DVD Edition

Рисунок 4. Население России на фоне населения Азии, млрд человек

НЕСООТВЕТСТВИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И РАЗМЕРА ТЕРРИТОРИИ

Россия располагает самой большой территорией в мире — более 17 млн квадратных километров, — которая почти вдвое превосходит территории других крупнейших стран — Китая, США, Канады. Правда, по оценкам географов, относительно благоприятны для жизни лишь примерно 30% этой территории — порядка 5 млн кв. км; на них сосредоточено свыше 90% населения России. Однако даже эти более благоприятные территории освоены крайне неравномерно.

Наиболее плотно заселены историческое ядро России и Северный Кавказ, но и здесь плотность населения (50–60 человек на 1 кв. км), по крайней мере вдвое ниже чем в Европейском союзе (117 человек на 1 кв. км), примерно соответствуя плотности заселения Северной Европы (55 человек на 1 кв. км). В целом европейская часть страны (27 человек на 1 кв. км) сопоставима по заселенности с США (33 человек на 1 кв. км), а азиатская — с Австралией и Канадой (примерно по 3 человека на 1 кв. км). Особенно слабо заселены районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности с суровыми климатическими условиями, на которые приходится около 70% территории России. По оценке на начало 2016 г., в них проживало 10 млн человек, или 6,8% от общей численности россиян, при плотности населения менее 0,9 человека на 1 км².

Таблица 2. Население и территория федеральных округов Российской Федерации на начало 2016 г.

	Население		Территория		Плотность населения, человек/км ²
	Тыс. человек	%	Тыс. км ²	%	
Российская Федерация	146 545	100	17 125,2	100	8,6
в том числе округа:					
Центральный	39 104	26,7	650,2	3,8	60,1
Северо-Западный	13 854	9,5	1687	9,9	8,2
Южный	14 045	9,6	420,9	2,5	33,4
Северо-Кавказский	9718	6,6	170,4	1,0	57,0
Приволжский	29 674	20,2	1037	6,1	28,6
Уральский	12 308	8,4	1818,5	10,6	6,8
Сибирский	19 324	13,2	5145	30,0	3,8
Дальневосточный	6195	4,2	6169,3	36,0	1,0
Крымский*	2323	1,6	27,0	0,2	86,2
Европейская часть	117 410	80,1	4346,7	25,4	27,0
Азиатская часть	29 135	19,9	12 778,5	74,6	2,3

По численности населения выделяются Центральный и Приволжский федеральные округа, в которых сосредоточена почти половина жителей России, в то время как в Дальневосточном и Сибирском округах (две трети территории России) проживает менее 18% населения.

Слабая заселенность азиатской части России всегда воспринималась как вызов, и постоянно предпринимались попытки найти ответ на его. На протяжении XX в. шел регулируемый (подчас весьма жесткими мерами) сдвиг населения на север и восток. Доля россиян, проживающих в азиатской части страны, стабильно, хотя

* Указом Президента Российской Федерации от 28 июля 2016 года № 375 Крымский федеральный округ был упразднен, а субъекты федерации Республика Крым и город федерального значения Севастополь вошли в состав Южного федерального округа.

и с существенным замедлением в 60–80-е годы, росла — от 13,3% в 1926 г. до 21,8% в 1989 г. Постоянно увеличивалось население, проживающее на территории современных Уральского (с 5,3 до 8,5%), Сибирского (с 10,6 до 14,3%), Дальневосточного (с 1,7 до 5,4%) округов. После распада СССР возобладала обратная тенденция — смещение массы населения с северо-восточных окраин страны в юго-западном направлении. В результате население азиатской части страны уменьшилось за 1989–2016 годы с 32 до 29 млн человек, а доля его опустилась ниже 20%. Демографический потенциал Сибири и Дальнего Востока явно недостаточен для освоения расположенных здесь природных богатств и для создания развитой, более или менее сплошной экономической и поселенческой структуры. К тому же население Азиатской России убывает еще быстрее, чем население всей страны, что также отражает общую ограниченность российского демографического потенциала.

Территориальные диспропорции размещения российского населения, которые сейчас нарастают, не исчезли и оставались весьма значительными и тогда, когда население азиатской части России росло. Но, оценивая нынешнюю ситуацию, нельзя сбрасывать со счетов и то, что происходит за пределами России. С середины прошлого века население зарубежной Азии более чем утроилось и сейчас приближается к 4,3 млрд человек. Сегодня на долю российской Азии приходится 35% территории этой части света и менее 1% ее населения.

Смещение населения на запад страны отражает конкуренцию регионов за людские ресурсы в условиях их явного дефицита. Этот дефицит сказывается также и на росте городов, в том числе и наиболее крупных. В период бурной урбанизации они росли за счет сельского населения, которое тогда казалось безграничным. Однако сейчас потенциал сельско-городской миграции в России близок к исчерпанию, и это ограничивает возможности создания крупных городских агломераций, без которых не обходится ни одна современная страна.

В России не хватает крупных городов, особенно в восточной ее части. Из имеющихся 15 российских городов-миллионников только 3 расположены к востоку от Урала. По-настоящему большими городами в России можно считать только Москву, число жителей которой превысило 12 млн человек, и Санкт-Петербург с более чем 5 млн жителей. Население Новосибирска превышает 1,5 млн человек, во всех остальных миллионниках оно меньше. В 2015 г. имелся еще 21 город с населением от 500 тыс. до 1 млн человек, но для огромной территории России этого мало. Крупные города — опорные пункты всей сети городов, центры регионального развития. И то и другое ослаблено маломощностью этого звена, организующего всю систему расселения, а в значительной степени — и экономическую и социальную жизнь страны.

Изменить же эту ситуацию в нынешних условиях невозможно. Крупные города и без того отсасывают население из более мелких, но мобильного ресурса на всех

уже не хватает, в частности, и вследствие сокращения — по демографическим причинам — численности молодежи. В этих условиях хоть как-то расти за счет внутренней миграции могут примерно полсотни наиболее экономически успешных крупных городов, расположенных в обжитой части страны с относительно мягким климатом.

Территория требует населения, и эту потребность невозможно закрыть ничем, кроме людей, их же в России недостаточно.

2.

**ВЫЗОВЫ
СТРУКТУРНЫХ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
ИЗМЕНЕНИЙ**

Как и во всех странах, переживающих демографический переход, в России коренным образом и необратимо меняется возрастной состав населения — оно стареет. Хотя демографическое старение — следствие в основном позитивных демографических изменений, оно представляет собой вызов в том смысле, что многие социальные системы и институты, сформировавшиеся в условиях прежней возрастной структуры (здравоохранение, образование, социальное страхование, потребительский рынок, рекреационная деятельность и многое другое) должны перестроиться с учетом новых демографических реальностей.

Но не менее — если не более — серьезный вызов связан с тем, что в России, помимо закономерных и относительно плавных процессов старения, на конфигурацию возрастной пирамиды наложили глубокий отпечаток социальные потрясения XX в., которые сильно деформировали пирамиду (рис. 5), что придает и еще долго будет придавать изменениям возрастного состава волнообразный колебательный характер. Это порождает дополнительные проблемы, связанные с необходимостью приспособления к постоянным перепадам численности возрастных контингентов, играющих разную роль в экономической и социальной жизни общества.

На протяжении длительного времени, особенно в нулевые годы, изменения возрастного состава российского населения с экономической точки зрения, были весьма благоприятными, численность и доля населения в трудоспособных возрастах в основном росли. Теперь же они вступили в период спада, не имеющего прецедентов в прошлом. Численность населения в возрасте 20–64 лет достигла максимума в 95 млн человек в 2012 г., затем началось ее снижение, к 2030 г. она опустится до 82–85 млн, затем несколько повысится, но в дальнейшем снова продолжит снижаться (рис. 6).

Сокращение численности и доли населения в основных трудоспособных возрастах будет сопровождаться его постарением. В начале 1960-х гг. примерно 60% всего населения в возрасте 20–64 лет приходилось на возрастную группу 20–39 лет, что создавало благоприятные условия для быстрого обновления рабочей силы за счет притока более молодых кадров. В 2015 г. эта доля упала до 47%, и ее падение будет продолжаться до начала 2030-х годов, когда она опустится до 36–38%. После этого начнется ее рост, хотя к нынешнему уровню она не вернется и к середине столетия (рис. 7).

Рисунок 5. Половозрастная пирамида населения России, 2015 г.

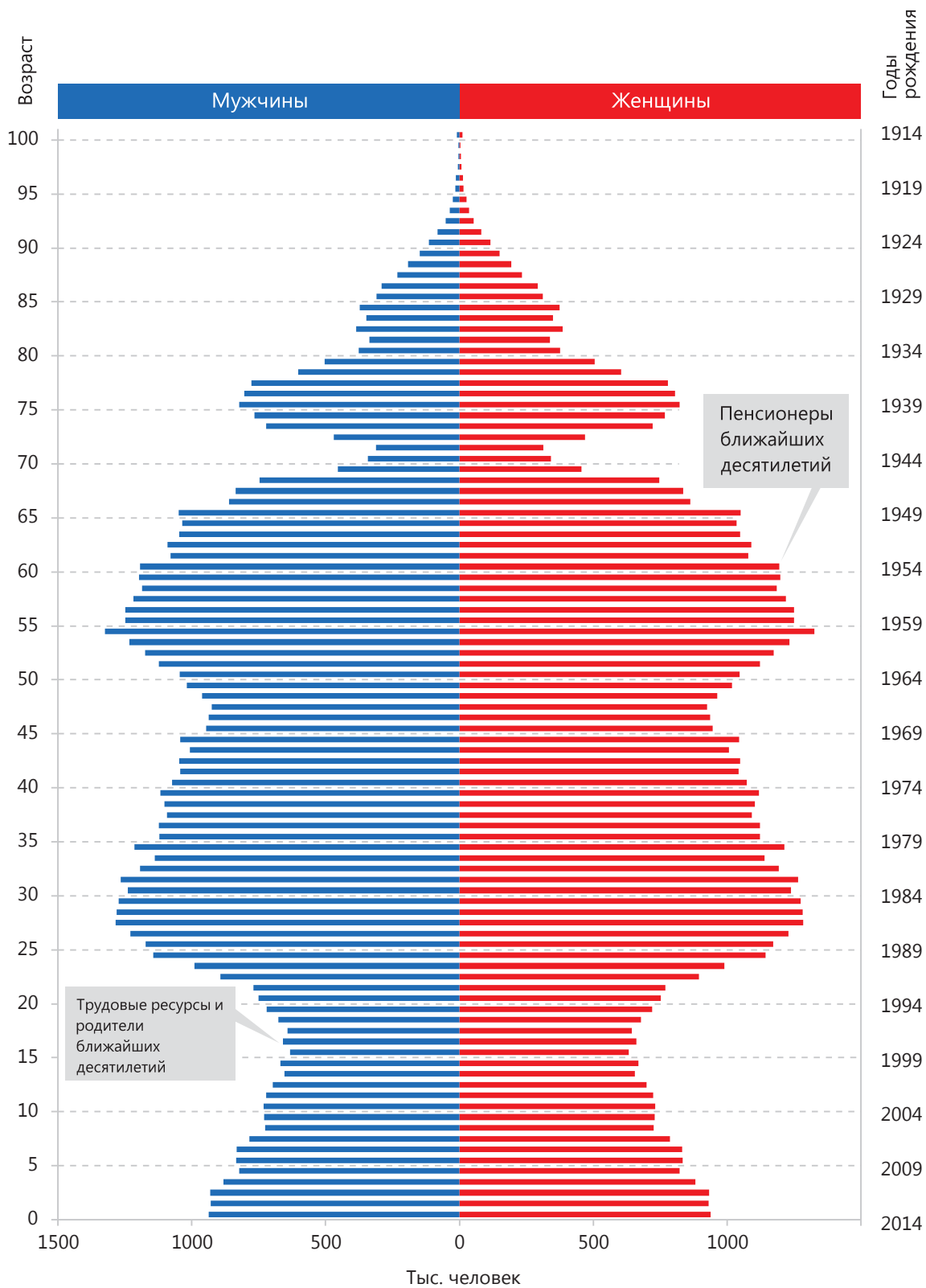

Рисунок 6. Численность и доля населения России в возрасте 20–64 лет. 1960–2050 гг., с 2017 г. — три варианта прогноза (млн человек и %)

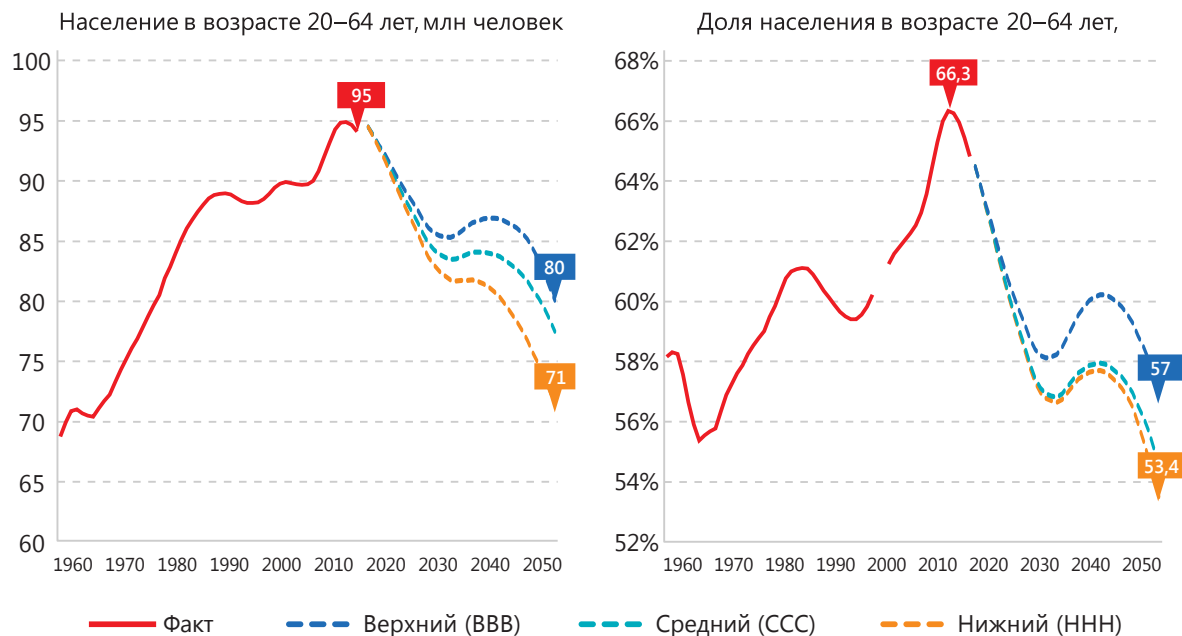
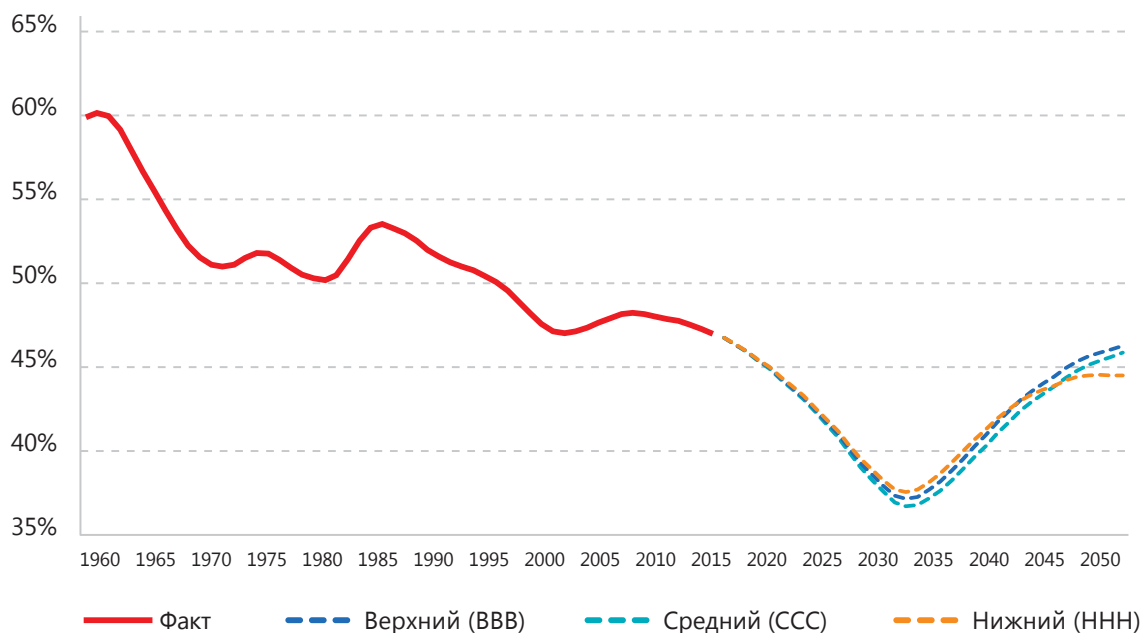
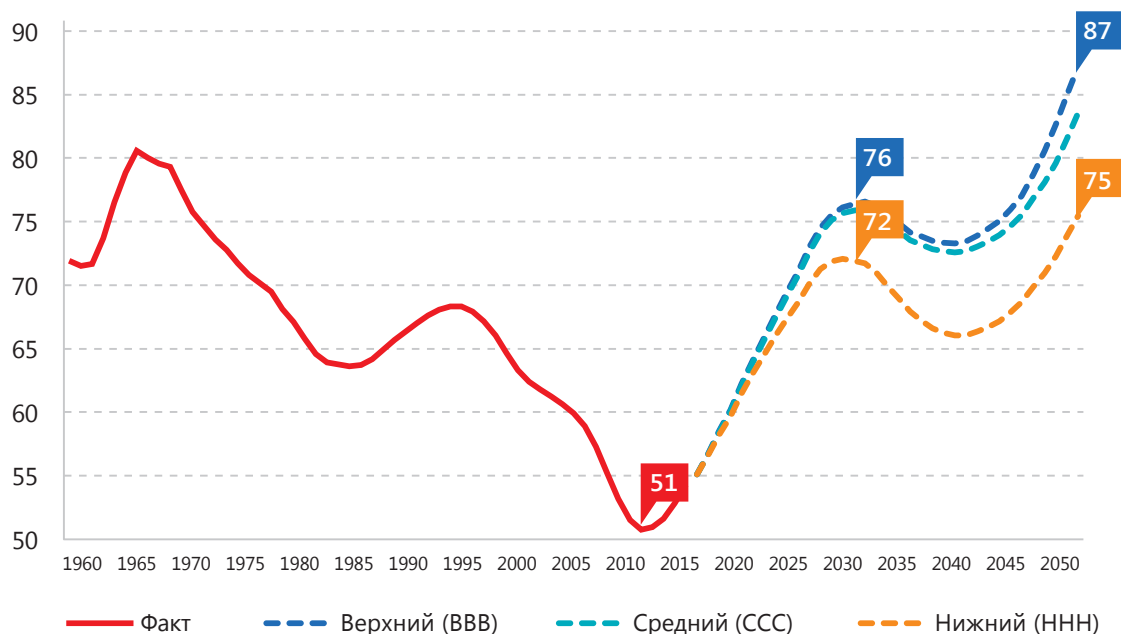

Рисунок 7. Доля населения в возрасте 20–39 лет в населении 20–64 лет. 1960–2050 гг., с 2017 г. — три варианта прогноза

Особенно важно то, что значительно сократится доля трудоспособного контингента во всем населении и значительно возрастет совокупная демографическая нагрузка (детьми до 20 лет и пожилыми 65 лет и старше). Она достигла минимума в 2011 г., когда была беспрецедентно низка (51 на 100 лиц в возрасте 20–64 года), после чего начался ее рост. Он будет продолжаться, с некоторыми колебаниями, на протяжении всего обозримого периода, нагрузка намного превысит ее нынешний уровень (рис. 8). Этот рост означает неизбежное увеличение социальных расходов на содержание населения в дорабочих и послерабочих возрастах.

Рисунок 8. Совокупная демографическая нагрузка на трудоспособное население (число детей и пожилых на 100 лиц в возрасте 20–64 лет). 1960–2050 гг., с 2017 г. — три варианта прогноза

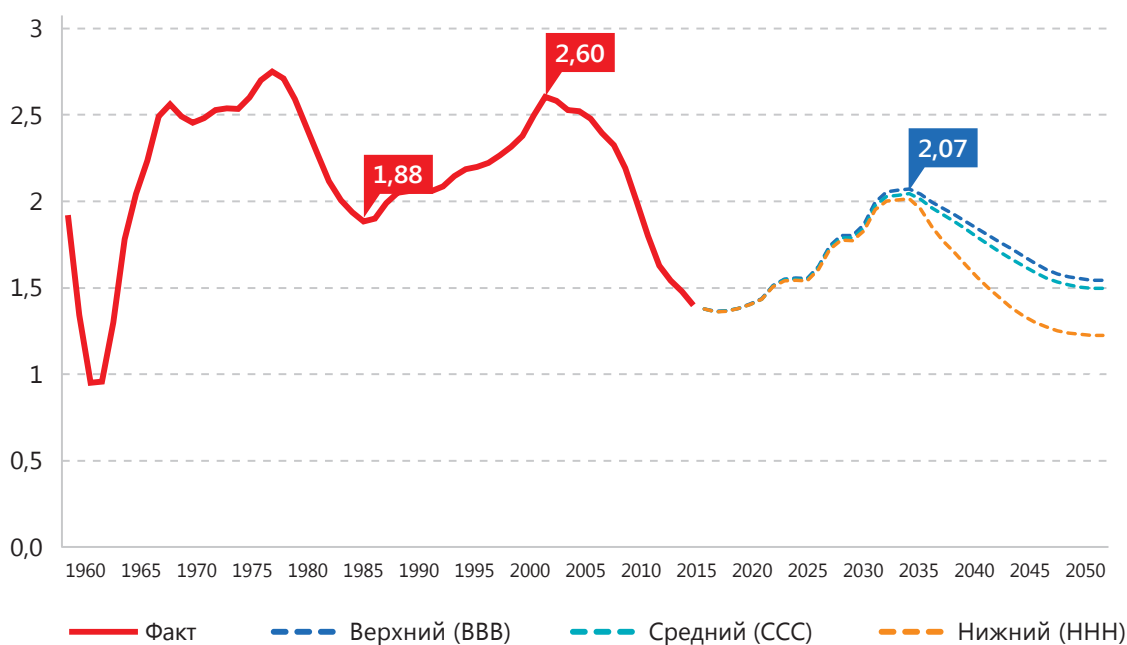

Более детально проанализировать экономические и социальные вызовы, обусловленные демографическими изменениями, позволяют функциональные демографические прогнозы.

Еще один важный параметр, зависящий от возрастной структуры населения, — численность призывных контингентов (мужчины в возрасте 18–19 лет). В прогнозе ИДЕМ десятилетней давности отмечалось, что «России предстоит пройти через период его резкого падения, который продлится примерно до 2020 г. Затем число юношей в возрасте 18–19 лет начнет снова расти, однако даже на пике этого роста

оно едва ли достигнет значений 1987 г. — самых низких за последние 40 лет»¹. Нынешний прогноз (рис. 9) несколько более оптимистичен в том смысле, что рост уже начался и уровень 1987 г. все же будет превышен в начале 2030-х годов, однако разница небольшая, после этого численность призывных контингентов снова начнет сокращаться и будет ниже, чем когда-либо в прошлом, за исключением первой половины 1960-х годов, когда она определялась спадом рождаемости во время войны.

Рисунок 9. Численность призывного контингента (мужчины в возрасте 18–19 лет), млн человек. 1960–2050 гг., с 2017 г. — три варианта прогноза

¹ Население России 2006. Четырнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневский. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. М., 2008: 287.

3.

ВЫЗОВЫ

НИЗКОЙ

РОЖДАЕМОСТИ

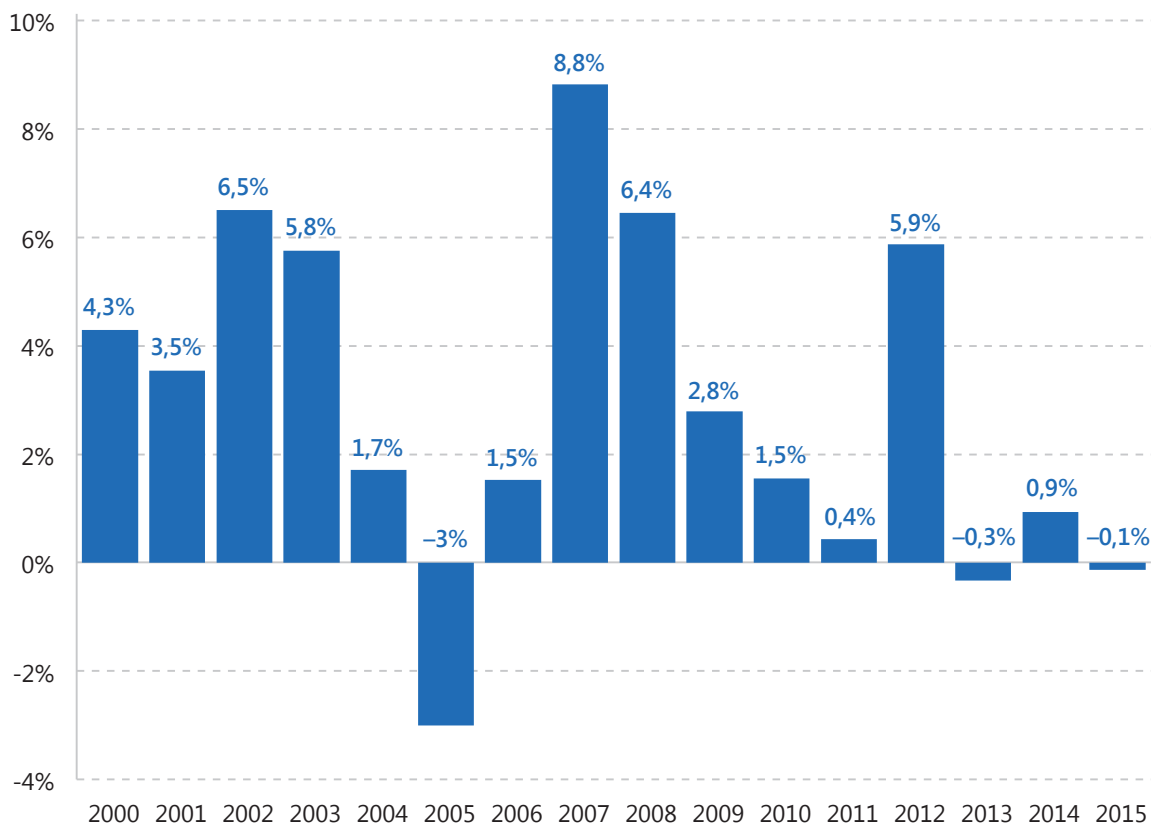
Низкая рождаемость — одна из главных причин неизбежности отрицательного естественного прироста и в этом смысле тоже может рассматриваться как серьезный демографический вызов. Однако отношение к этому вызову должно быть реалистичным. Низкая рождаемость глубоко укоренена в современном образе жизни и характерна для всех стран такого уровня развития, как Россия. Соответственно, и уровень рождаемости у нас примерно такой же, как во всех таких странах. Даже если и можно добиться некоторого повышения интенсивности деторождения с помощью мер пронаталистской политики, это повышение не может быть большим. Рассчитывать на коренные изменения в демографическом поведении людей сейчас нереально, да никто и не ожидает возврата к высокой рождаемости прошлых эпох.

Высокая рождаемость была нужна тогда, когда была очень велика смертность, особенно детская. Детей рождалось много, но доживала до среднего возраста родителей и приходила им на смену лишь часть родившихся. В долговременном плане на смену двоим родителям приходили примерно двое детей. Теперь же, благодаря огромному снижению смертности, тот же, с точки зрения воспроизводства населения результат достигается при намного меньшем числе рождений. Проблема заключается в том, что в России нынешний уровень рождаемости, даже с учетом снижения смертности, не обеспечивает замещения поколений. Хорошо было бы переломить ситуацию, то есть добиться того, чего не было в России с середины 1960-х годов (за исключением 1987–1988 гг.) и чего нет сейчас практически ни в одной развитой стране. Мировой опыт говорит о том, что это — очень непростая задача, ее решение пока нигде не найдено. Возможности демографической политики в этом смысле очень ограничены, эйфория по поводу эффективности материнского капитала и других мер пронаталистской политики, введенных в России с 2007 г., может сослужить недобрую службу.

Интенсивность рождаемости в России после спада начала 1990-х годов действительно росла, но увеличение суммарных показателей рождаемости шло не с 2007-го, а с 2000 г., а в некоторых ключевых возрастных группах женщин — еще раньше. Сколько-нибудь существенного влияния на этот рост мер демографической политики обнаружить не удастся. Если не считать 2007 г. — первого года действия материнского капитала, — то динамика приростов числа родившихся либо не отличается от того, что было до этого, либо отличается в худшую сторону (рис. 10).

Рисунок 10. Ежегодные приросты числа рождений в 2000–2015 гг.

Реальных факторов, определяющих динамику итоговых показателей рождаемости в России по крайней мере с середины 1990-х годов, два, и они не связаны с про-наталистской политикой. Один из них — перестройка возрастной модели рождаемости — сдвиг рождаемости к старшим материнским возрастам. Эта перестройка происходит и в других странах и везде приводят к колебаниям конъюнктурных показателей, создающим впечатление сильного падения, после которого начинается рост (рис. 11). Хронология этих колебаний в России не совпадает с хронологией демографической политики. Решающую роль сыграло смещение рождений с младших к средним (25–29 и 30–34 года) материнским возрастам, перелом намечился уже в первой половине 1990-х годов, рост рождаемости у женщин от 25 до 35 лет приобрел устойчивость с 2000 г., что и предопределило рост коэффициента суммарной рождаемости.

Второй фактор — чрезвычайно выгодная динамика женских контингентов именно тех возрастных групп, в которые смещается наиболее высокая рождаемость, при сокращении числа женщин в возрастной группе (20–24 года), утрачивающей свое прежнее значение (рис. 12).

Рисунок 11. Возрастные коэффициенты рождаемости и коэффициент суммарной рождаемости в России и Швеции после 1990 г.

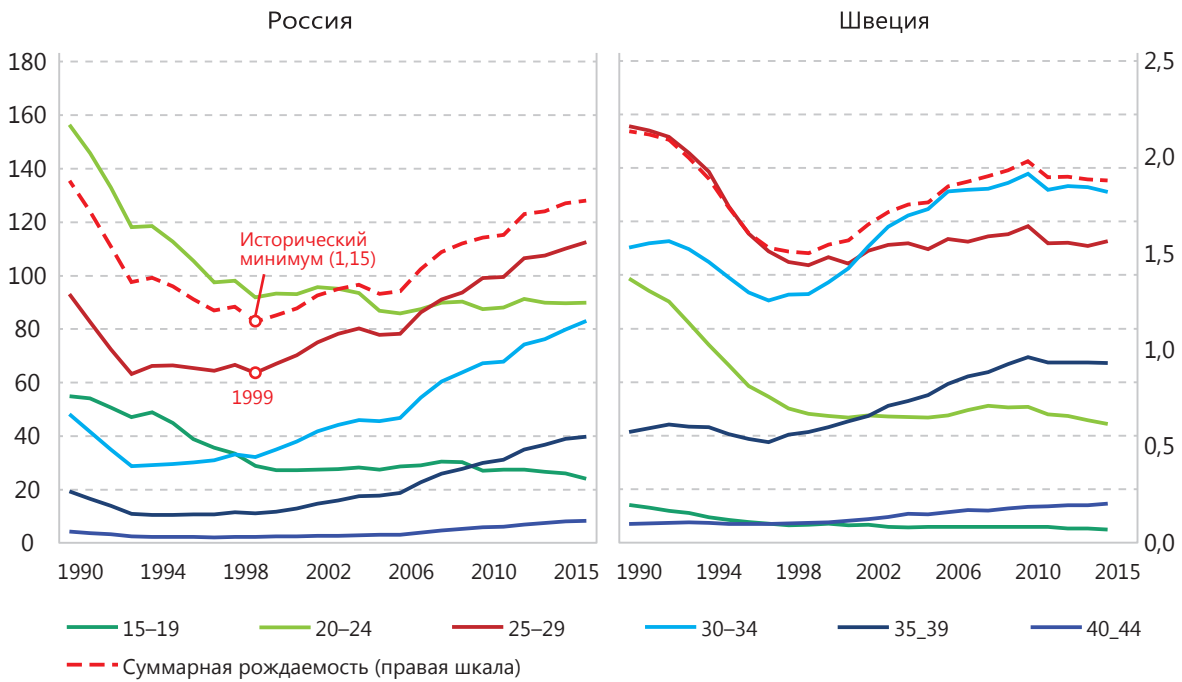
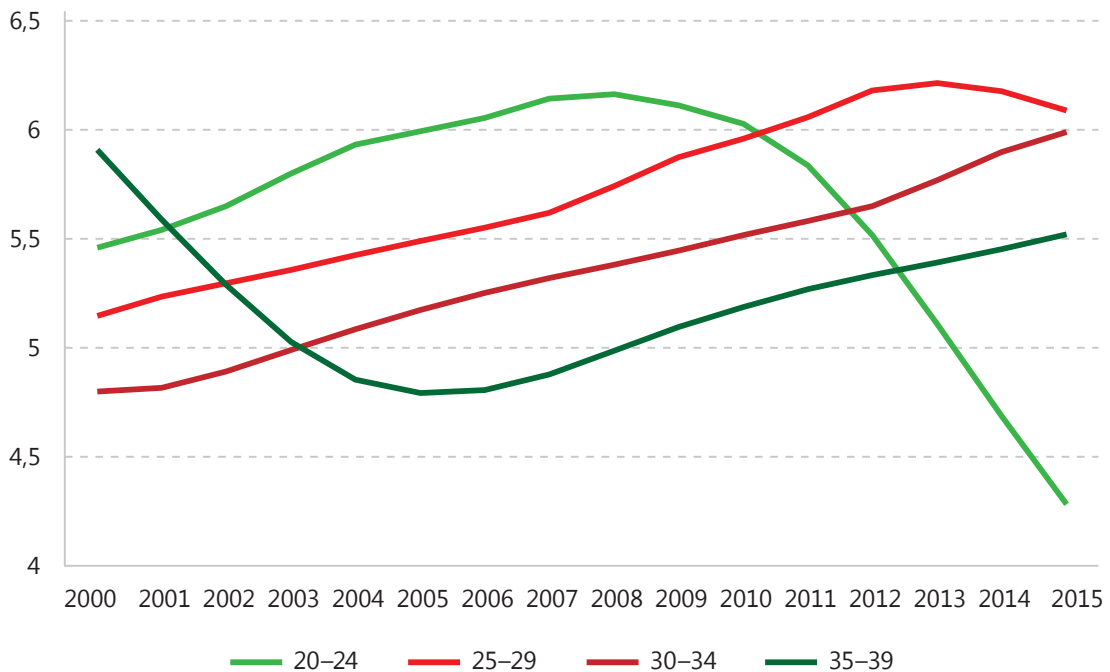

Рисунок 12. Число женщин основных репродуктивных возрастов, млн. 2000–2015 гг.

Но оба названных фактора — временные. Их влияние исчерпывается, и страна входит в период очень неблагоприятных изменений возрастной структуры населения. Одно из следствий этих изменений — небывалое сокращение числа потенциальных матерей, что резко контрастирует с ростом этого числа в нулевые годы. В ближайшие 15 лет сокращение будет непрерывным, к началу 2030-х годов число женщин в наиболее важных материнских возрастах от 20 до 40 лет, по сравнению с пиком 2010–2012 годов, сократится на 7-8 миллионов, т. е. примерно на треть (рис. 13).

Такое падение числа потенциальных матерей невозможно компенсировать даже при самых оптимистических сценариях прогноза рождаемости. Абсолютное число рождений будет сокращаться и в лучшем случае, пройдя период спада, вернется к нынешнему уровню только к середине века. А события могут развиваться и по менее оптимистическому варианту (рис. 14).

Во всяком случае, наиболее корректные измерители рождаемости — показатели накопленной к определенному возрасту итоговой рождаемости реальных поколений — не дают оснований для большого оптимизма. Правда, поколения, родившиеся в конце 1970-х — начале 1980-х годов и достигшие к 2016 г. 30 и 35 лет, демонстрируют едва заметное улучшение показателей накопленной рождаемости, свидетельствующее о некоторой стабилизации или даже о слабых признаках роста по отношению к ближайшим предшествующим поколениям. Но в то же время накопленная фактическая рождаемость к сопоставимому возрасту у данных поколений более чем на 20-30% ниже, чем у поколений россиянок, родившихся в 1960-х годах. Накопленная рождаемость у когорты 1985 года рождения к 30 годам составила 1,1 рождения в расчете на одну женщину против 1,6 у когорты 1960 года рождения, к возрасту 35 лет когорта 1980 года накопила в среднем 1,43 против 1,78 рождения у когорты 1960 года рождения.

Близкий к итоговому показатель накопленной рождаемости к возрасту 40 лет, непрерывно снижавшийся у женщин, родившихся в конце 1950-х — начале 1970-х годов, в последние несколько лет обнаружил едва заметные признаки роста, однако его величина, равная 1,58 для женщин 1975 года рождения (последняя когорта, достигшая 40-летнего возраста к 2016 г.) как минимум на 0,2 рождения ниже, чем была у их матерей, родившихся в конце 1940-х — начале 1950-х годов.

Женские поколения 1980-х годов рождения уже не имеют никаких шансов вернуться к показателям итоговой рождаемости, характерным для их матерей, родившихся в 1950–1960-е годы (1,8–1,9 рождения на одну женщину), в лучшем случае они могут достичь уровня 1,7 рождения (см. рис. 15, на котором представлено отклонение кумулятивных возрастных коэффициентов рождаемости поколений 1965–1985 годов рождений от коэффициентов для поколения 1960 года рождения).

Рисунок 13. Число женщин в возрасте 20–39 лет, 1960–2050 гг., с 2017 г. — три варианта прогноза

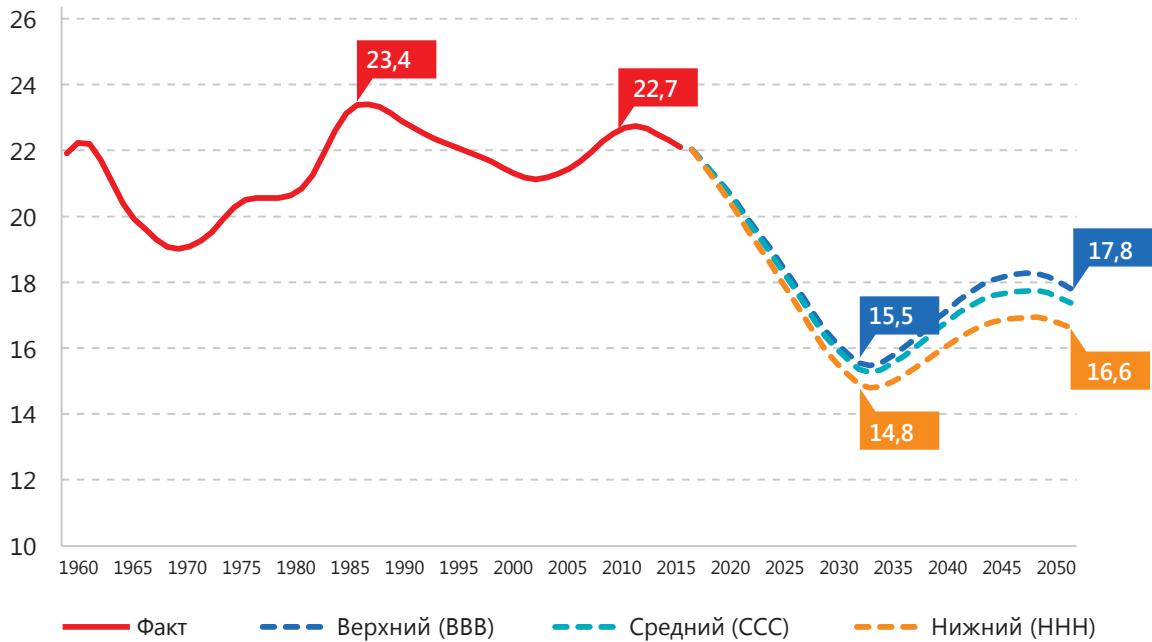

Рисунок 14. Число рождений, 1900–2050 гг., с 2017 г. — три варианта прогноза, млн

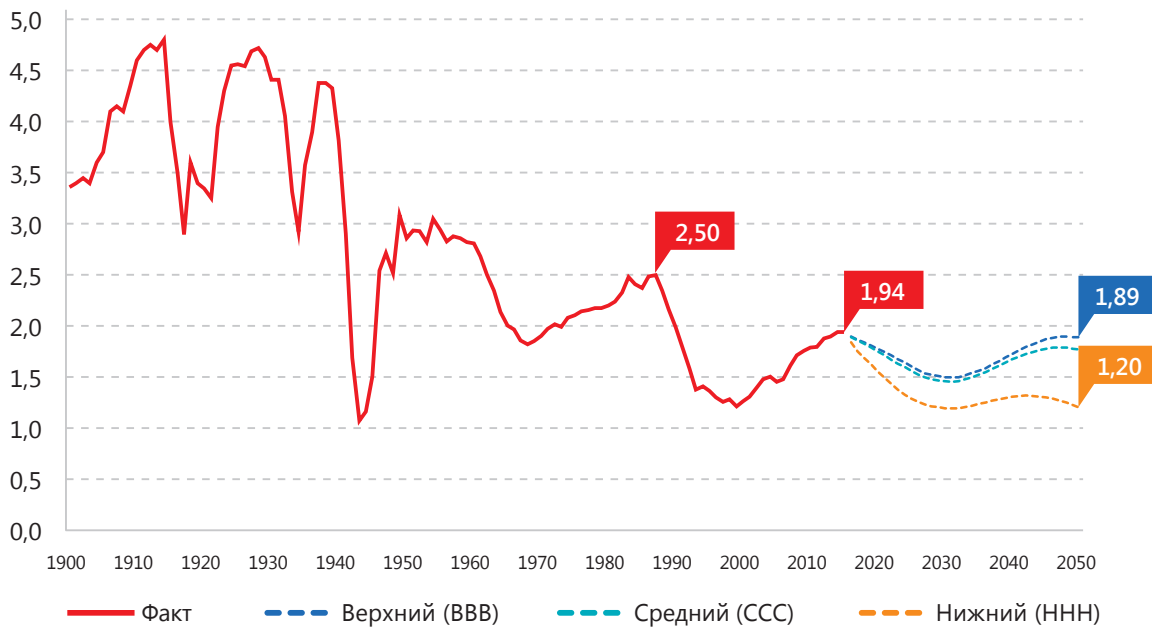
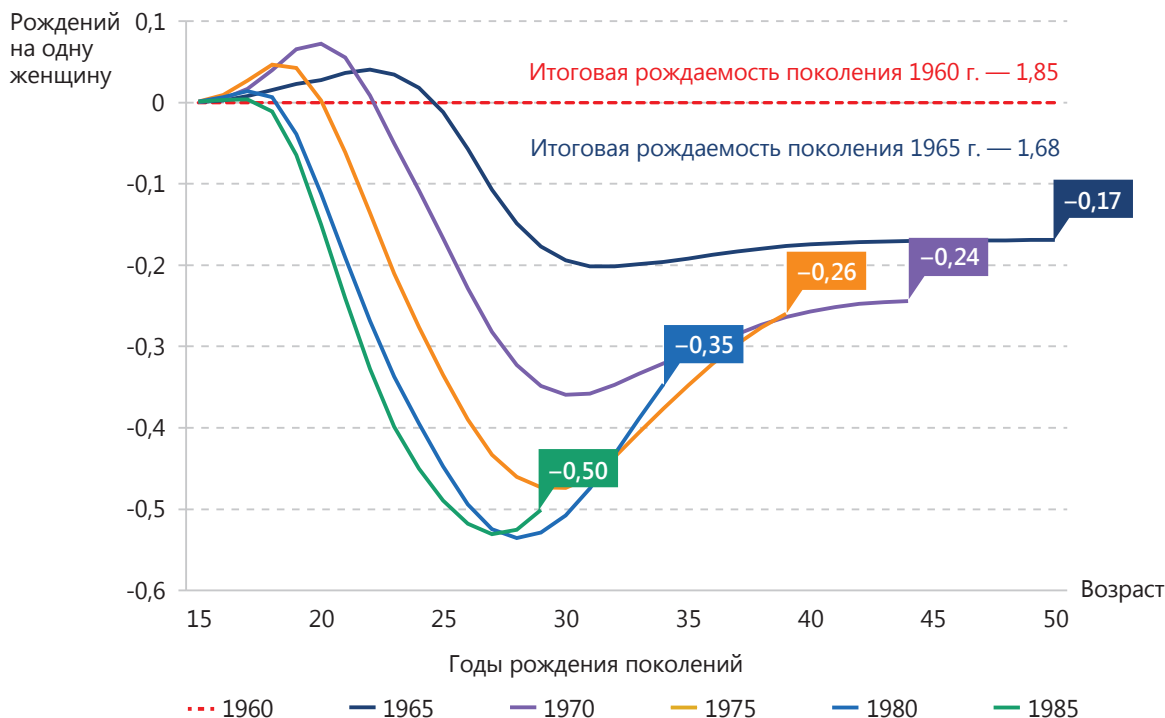

Рисунок 15. Отличия среднего числа рождений, накопленного к указанному возрасту, у поколений женщин 1965, 1970, 1975, 1980 и 1985 годов рождения от соответствующих значений для поколения 1960 года

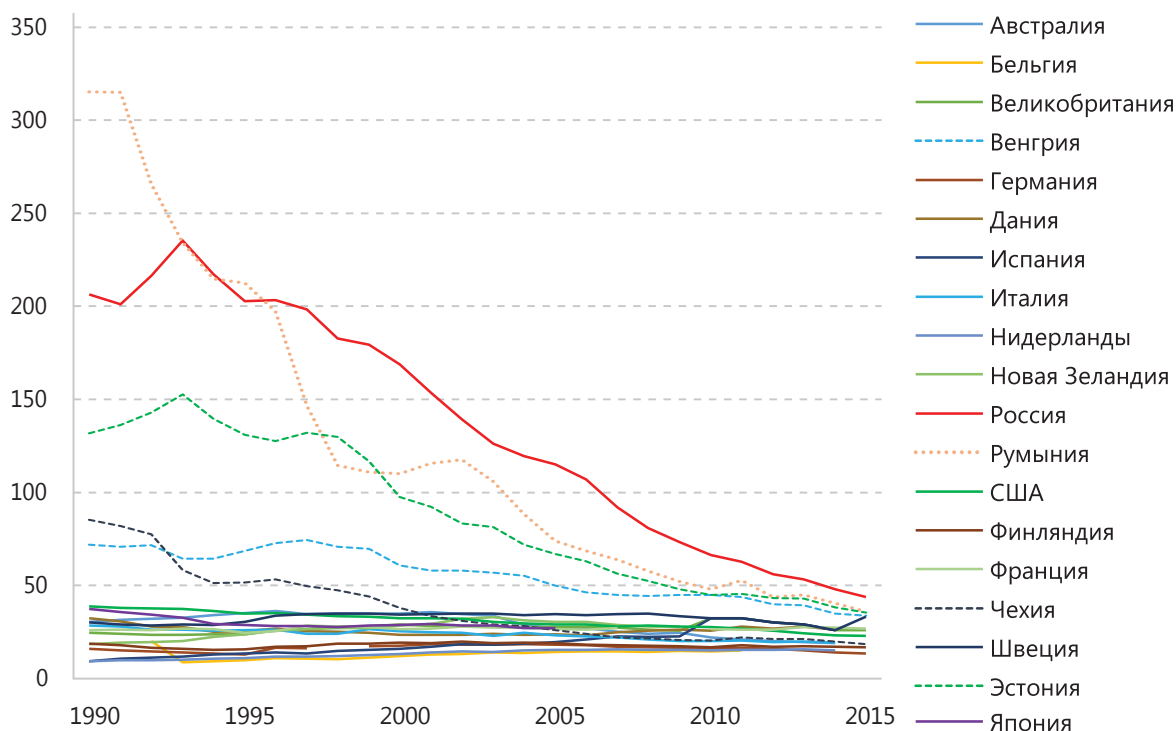
Таким образом, даже если проводящаяся в России демографическая политика и способствует остановке дальнейшего падения рождаемости у поколений, появившихся на свет в 1980-е годы, и создает определенные предпосылки для ее стабилизации, уровень, на котором мы сегодня фиксируем возможную стабилизацию, слишком низок, чтобы выйти из суженного режима замещения поколений. Пока нет оснований надеяться, что каждое новое поколение детей в численном отношении будет хотя бы приблизительно соответствовать родительскому поколению. Дадут ли основания для более радужных перспектив поколения, рожденные в 1990-х годах, говорить пока рано, но едва ли можно предположить у них такой рост интенсивности деторождения, который мог бы компенсировать их исключительную малочисленность.

Ответом на вызов современной низкой рождаемости в обозримом периоде может стать лишь адаптация к новой реальности. Эта реальность включает в себя не только снижение числа рождений ниже уровня возобновления поколений, но и меняющееся отношение к семейным ценностям (впрочем, отнюдь не их исчезновение), и новые гендерные роли, и растущий вклад женщин в человеческий капитал развитых обществ, и новые требования к качеству воспитания детей. Ответом на все эти перемены должна стать не количественно ориентированная демографическая

политика, а более сложная и комплексная семейная политика, способствующая созданию институциональной среды, адекватной новым демографическим и семейным реалиям. Это само по себе будет способствовать повышению рождаемости — в той мере, в какой это сейчас возможно.

Завершая раздел о рождаемости, следует отметить, что переход к внутрисемейному регулированию рождаемости, произошедший в России много десятилетий назад, поставил ее еще перед одним вызовом, на который она долго не могла ответить. В то время как в большинстве стран с низкой рождаемостью главным способом такого регулирования давно уже была контрацепция, а роль искусственного аборта была невелика, в России основным способом внутрисемейного контроля рождаемости оставался именно аборт. Перелом наступил только в середине 1990-х годов, когда в России началась «контрацептивная революция», совершившаяся на Западе еще в 1960-е годы, и число аборт стало быстро снижаться. В 2015 г. число аборт на 100 родов было более чем в пять раз ниже, чем в 1993 г. Хотя российские показатели интенсивности аборт все еще выше соответствующих показателей стран, прошедших через контрацептивную революцию, разрыв между ними с каждым годом сокращается (рис. 16), и можно надеяться, что этот вызов в скором времени потеряет свою остроту.

Рисунок 16. Число аборт на 100 родов в некоторых странах, 1990–2015 гг.

Источник: база данных ВОЗ «Здоровье для всех»

Примечание: за число зачатий принята сумма родов и аборт

4.

ВЫЗОВЫ
ВЫСОКОЙ
СМЕРТНОСТИ

Это — один из наиболее серьезных демографических вызовов, стоящих перед Россией.

Ситуация с низкой рождаемостью в России мало отличается от той, какая наблюдается во всех развитых странах, несмотря на то что она везде воспринимается как вызов. Многочисленные попытки ответить на этот вызов нигде не принесли значительных результатов, рождаемость в одних странах немного выше, чем в России, в других — немного ниже, но она нигде не обеспечивает замещения поколений, принципиальной разницы между Россией и европейскими странами, США или Канадой, Японией или Южной Кореей нет. Это само по себе указывает на глубинную обусловленность низкой рождаемости, возможно, непреодолимой на современном этапе развития всех городских, индустриальных и постиндустриальных обществ, к которым относится и российское общество.

Со смертностью дело обстоит совершенно иначе. Россия на протяжении многих десятилетий демонстрирует отставание по уровню продолжительности жизни, которое все время нарастает (*рис. 17*).

Хотя в последнее десятилетие смертность в России довольно быстро снижалась, это снижение надо оценивать на фоне долговременных тенденций. Нынешнее снижение — нисходящая волна колебания, но пока — не более того. Относительно благоприятны тенденции в младших детских возрастах, есть некоторые успехи в снижении смертности пожилых, но в большинстве возрастных групп, особенно у мужчин, мы до сих пор не смогли вернуться к уровню смертности середины 1960-х годов (*рис. 18*).

Хотя нисходящая волна все же сформировала положительную тенденцию последних лет — рост ожидаемой продолжительности жизни, — этот рост следует за глубоким падением и имеет по преимуществу, восстановительный характер. Лишь в самое последнее время ожидаемая продолжительность жизни новорожденного превысила максимальные уровни, уже достигавшиеся до ее падения. В 2009 г. впервые был превышен предыдущий максимум (1989 года) для женщин, а в 2013 г. впервые превысила 65 лет и одновременно максимальный показатель 1987 г. продолжительность жизни мужчин. Но в отношении взрослых мужчин нельзя сказать даже этого: ожидаемая продолжительность мужчин в возрасте 15 лет все еще остается ниже максимума 1964 года (*рис. 19*).

Рисунок 17. Ожидаемая продолжительность жизни в России и в некоторых других странах, 1960–2015 гг., лет

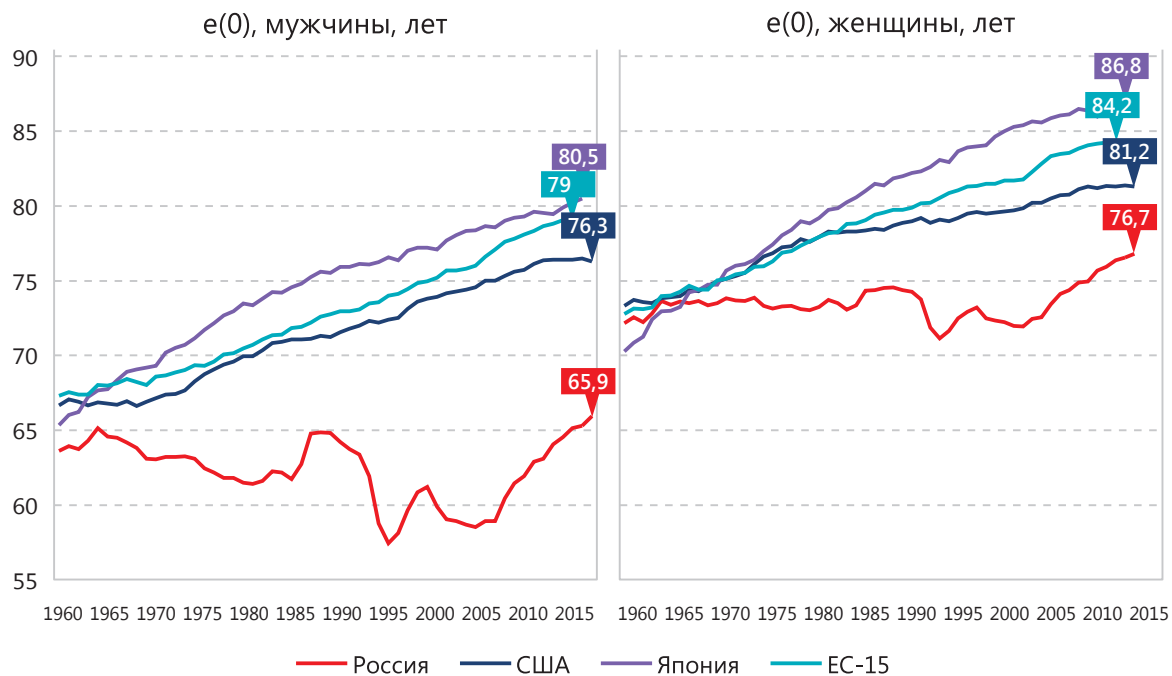

Рисунок 18. Изменение возрастных коэффициентов смертности. 1965 г. = 1

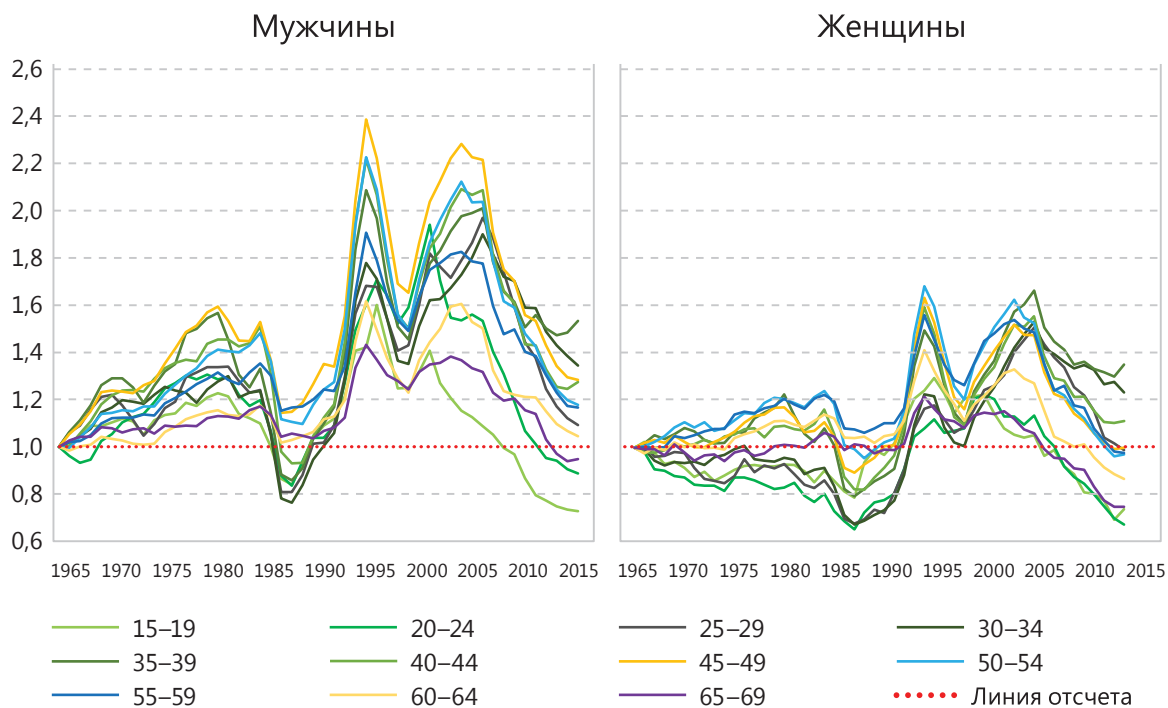

Рисунок 19. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (левая панель) и в возрасте 15 лет (правая панель), лет

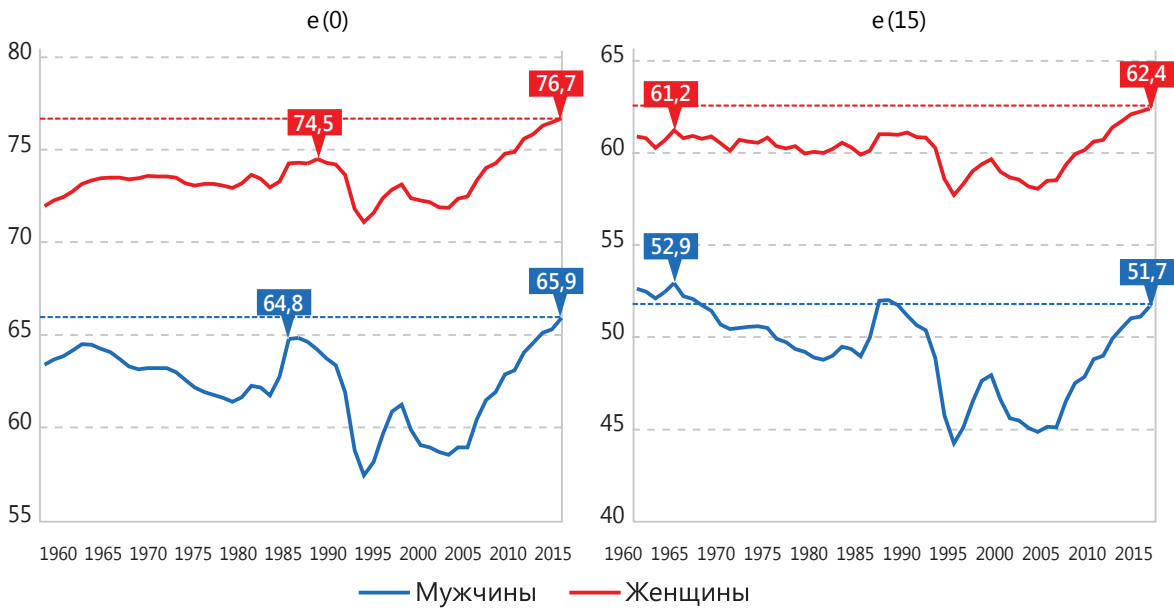
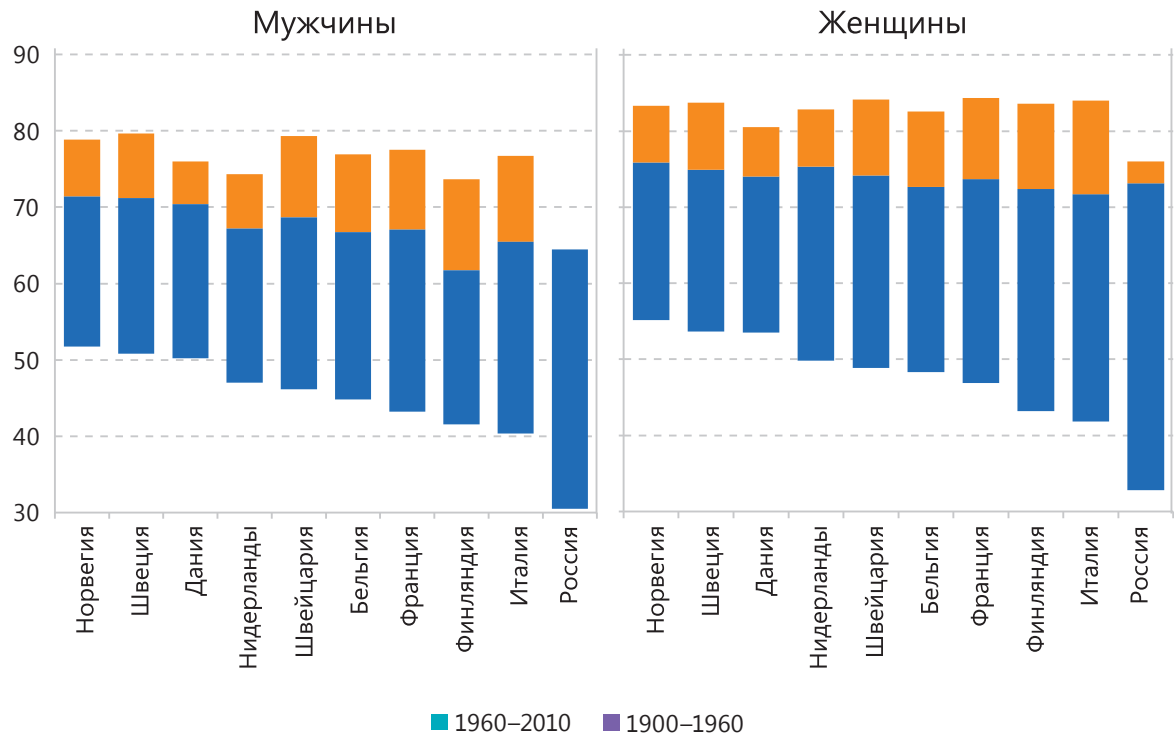

Рисунок 20. Ожидаемая продолжительность жизни в 1900 г. и ее прирост в некоторых странах на этапах первой и второй эпидемиологических революций, лет (нижний край столбиков соответствует 1900 году)

Позитивные тенденции последних 10–12 лет мало что изменили в смысле отставания России от большинства развитых стран. По ожидаемой продолжительности жизни Россию опережают десятки стран, отставание от них нарастает десятки лет. Это отставание оборачивается огромными человеческими и экономическими потерями и служит индикатором определенной ущербности российской социальной системы. Речь, по-видимому, идет не просто о количественных разрывах, а о качественных различиях. Мы пропустили «вторую эпидемиологическую революцию» и не сумели перейти к новой эпидемиологической модели смертности, становление которой в мире идет уже не менее полувека и которая определяет сегодня ситуацию со смертностью в развитых странах.

Отставание России нарастает с середины 1960-х годов. К этому времени в большинстве развитых стран удалось установить контроль над главным источником высокой смертности в прошлом — инфекционными заболеваниями. Благодаря этому ожидаемая продолжительность жизни между началом XX века и 1960 г. выросла на 20 и более лет, причем Россия, имевшая очень низкий исходный уровень, принадлежала к числу стран, достигших на этом этапе наибольшего выигрыша: продолжительность жизни мужчин в России выросла на 34 года, женщин — на 40 лет, она значительно сократила свое отставание от многих европейских стран и даже обогнала некоторые из них (рис. 20). Но затем положение изменилось.

К этому времени главным вызовом системам здравоохранения стали неинфекционные причины смерти — хронические заболевания и внешние причины (несчастные случаи различного происхождения). Как следует из рис. 20, многие страны сумели ответить на этот вызов, что принесло новое значительное приращение продолжительности жизни. Россия же с этим вызовом не справилась. За полвека (между 1960 и 2010 гг.) продолжительность жизни женщин в России выросла незначительно — намного меньше, чем в большинстве развитых стран, — а у мужчин она даже несколько сократилась.

Основные резервы роста продолжительности жизни в России связаны со снижением смертности от главных групп неинфекционных причин смерти, прежде всего болезней системы кровообращения и внешних причин. В 2010 г. смертность от этих двух классов причин определяла отставание России от «старых» стран Европейского союза (ЕС-15) на 77% у мужчин и на 89% у женщин (рис. 21).

Но помимо этого в последнее время возрастают риски повышения смертности от болезни, вызванной ВИЧ, и настораживает сама неспособность справиться с эпидемией (типичная задача «первой эпидемиологической революции»), чего нет в других развитых странах. С 2007 г. стандартизованный показатель смертности от болезни, вызванной ВИЧ, ежегодно увеличивается на 20% (рис. 22).

Рисунок 21. Общие потери ожидаемой продолжительности жизни в России по сравнению со странами ЕС-15 в результате различий в смертности от крупных классов причин смерти, 2010, лет

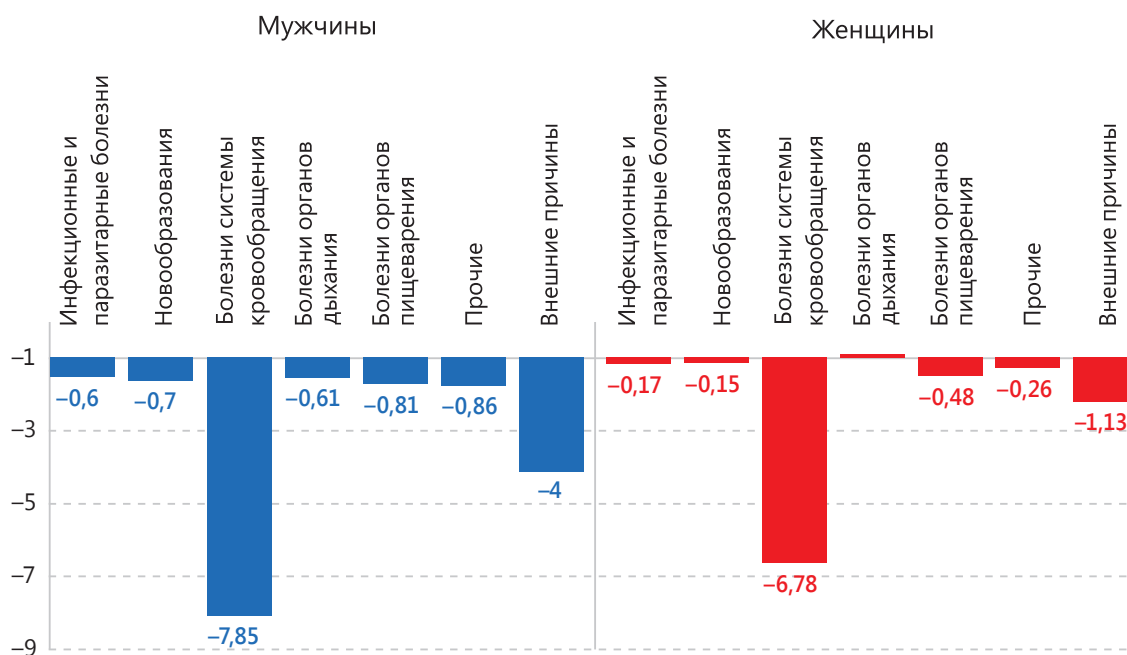

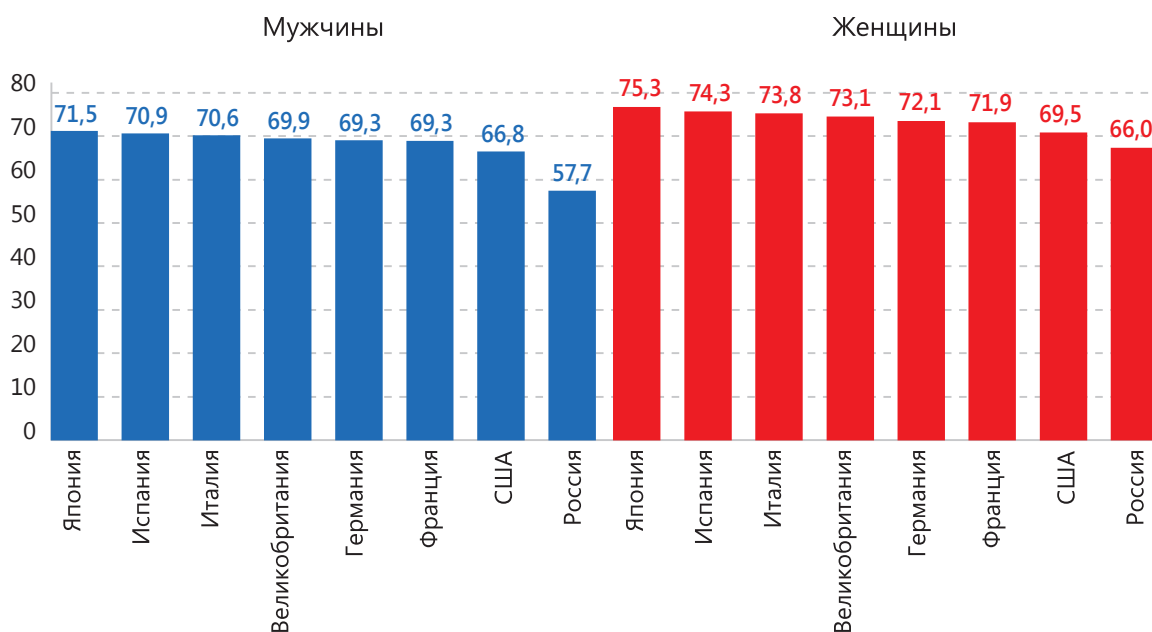
Рисунок 22. Стандартизованный коэффициент смертности от ВИЧ-инфекции в некоторых странах, 1989–2015 гг., на 1000 чел.

Нужна срочная системная реакция на разрастающуюся эпидемию ВИЧ-инфекции. Необходимы такие меры, как пропаганда индивидуальных средств защиты от инфекций, передающихся половым путем, снижение стоимости и бесплатная раздача презервативов, знакомство детей и подростков с правилами гигиены половых отношений, бесплатная раздача одноразовых шприцев потребителям инъекционных наркотиков, заместительная опиоидная терапия и т. п. Кроме того, необходим тотальный охват ВИЧ-позитивных лиц антиретровирусной терапией, бесплатное медикаментозное лечение всех ВИЧ-инфицированных и социальная поддержка в ней нуждающихся. Всего этого либо вовсе нет, либо нет в достаточной мере, и угроза разрастания эпидемии превращается в еще один серьезный вызов.

Следует также указать на отставание России по продолжительности здоровой жизни. Этот вопрос не изучен в достаточной мере, но, по имеющимся приблизительным оценкам, в 2015 г. это отставание было весьма значительным (рис. 23).

Рисунок 23. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни при рождении, лет

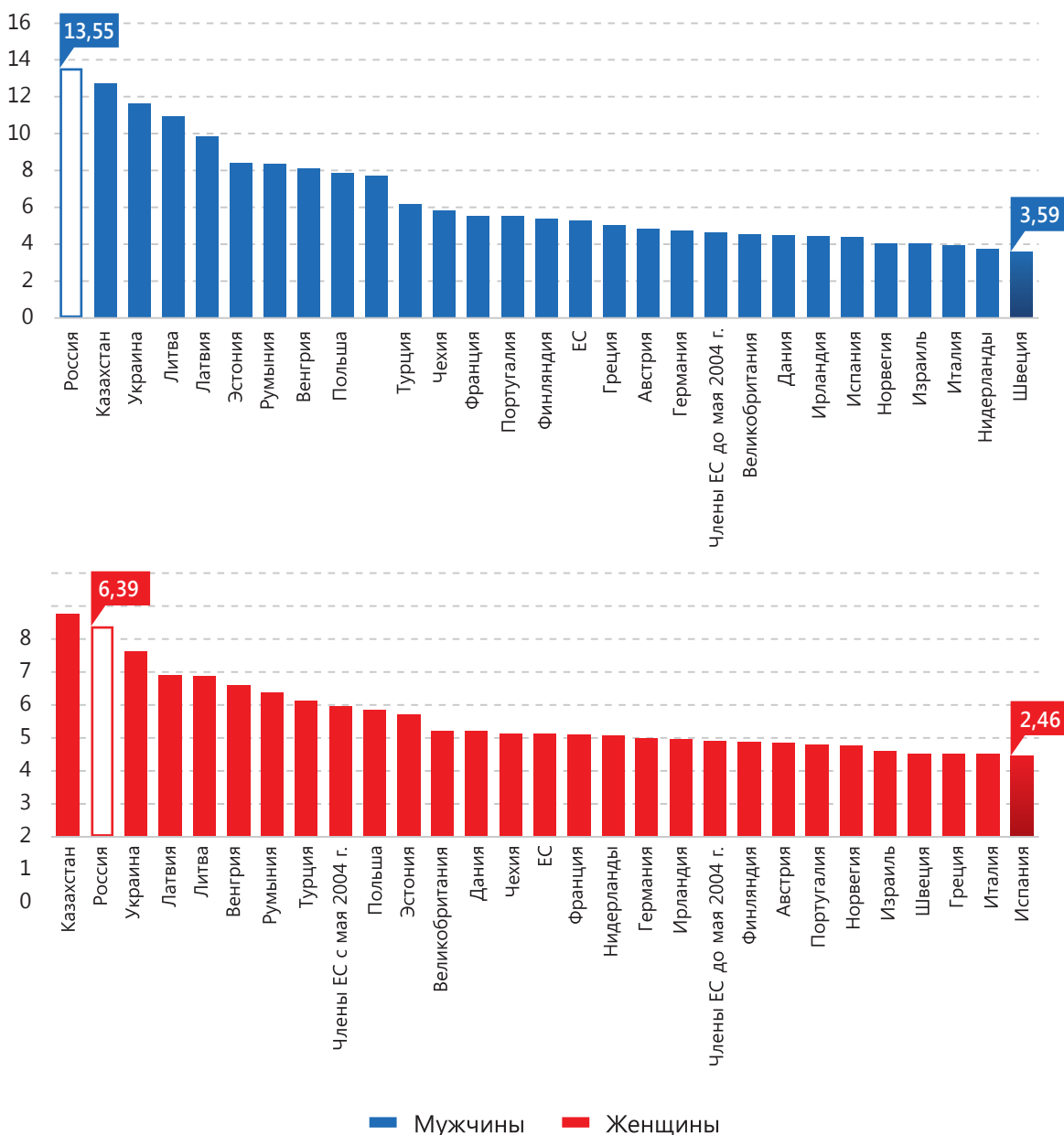

Источник: *Global, regional, and national disability-adjusted life-years (DALYs) for 315 diseases and injuries and healthy life expectancy (HALE), 1990-2015: a systematic analysis for the Global Burden of Diseases Study 2015 // Lancet 2016, 388: 1620–1623*

Высокая смертность и низкая продолжительность общей и здоровой жизни делают весьма болезненным неизбежное по экономическим соображениям реформирование пенсионной системы. Целевой ориентир смещения возраста выхода на пенсию — 65 лет. Из-за высокой смертности в средних возрастах в России до 65 лет

доживает существенно меньше людей, чем в странах, на которые можно было бы равняться при повышении возраста выхода на пенсию. Смертность до достижения этой возрастной планки во многих из этих стран относительно невысока, ее вклад в снижение общей продолжительности жизни в разы меньше, чем в России (рис. 24).

Рисунок 24. Снижение ожидаемой продолжительности жизни из-за преждевременной смерти до 65 лет в некоторых странах в 2011 г., лет

Источник: база данных ВОЗ «Здоровье для всех»

Рисунок 25. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин в возрасте 60 и 65 лет и женщин в возрасте 55, 60 и 65 лет, Россия, 1960–2015 гг., лет

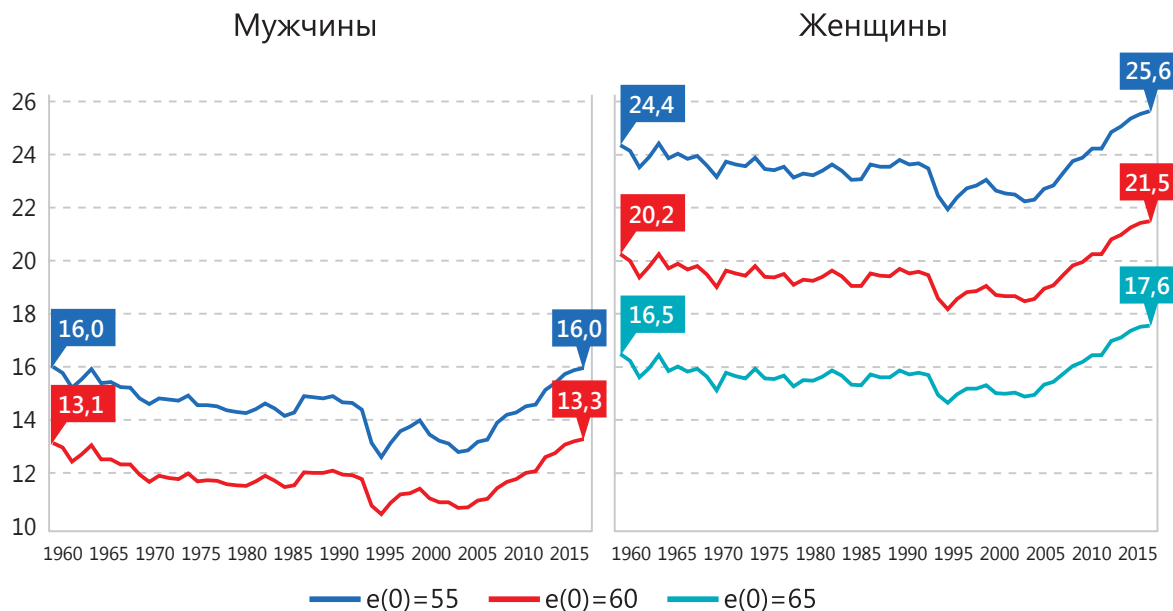
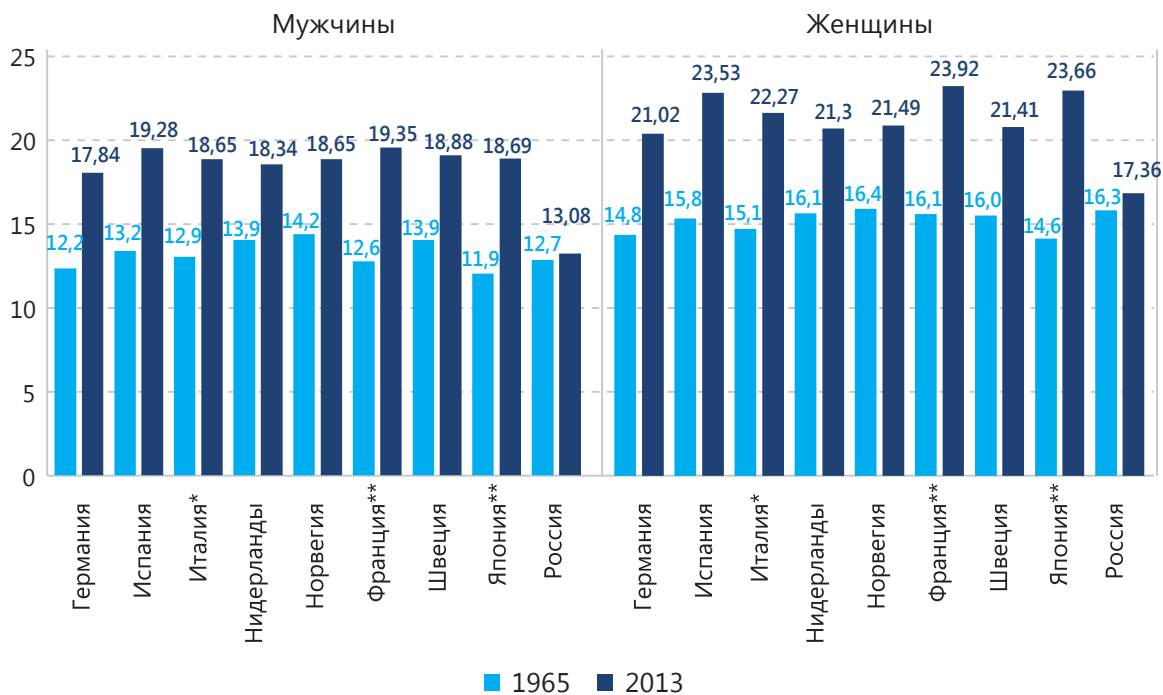

Рисунок 26. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 65 лет в 1965 и 2013 гг. в некоторых странах, лет

*2012; **2011.

При этом в России низка и почти не меняется, в отличие от многих стран, ожидаемая продолжительность жизни для уже достигших 65-летнего возраста, во всяком случае, если говорить о мужчинах (рис. 25). Нынешняя ожидаемая продолжительность жизни 65-летних в России (13,3 года для мужчин и 17,6 года для женщин в 2015 г.) остается такой же (у мужчин) или примерно такой же (у женщин), какой она была в 1960 г.

Между тем в большинстве развитых стран ожидаемая продолжительность жизни в пожилых возрастах, в частности, в возрасте 65 лет, все время росла, что приводило к увеличению продолжительности жизни на пенсии и оправдывало более высокие границы пенсионного возраста (рис. 26).

При этом и ожидаемая продолжительность здоровой жизни в этом возрасте в развитых странах обычно существенно выше, чем в России: у нас, по оценкам, 9,8 года для мужчин и 13,3 для женщин, тогда как в США — 13,4 и 15,4, в странах Западной Европы — 14,2 и 16,8, в Японии — 14,9 и 19,0².

На протяжении последних 10–12 лет показатели продолжительности жизни в России увеличивались довольно высокими темпами — более высокими, чем во многих других странах. Напомним, однако, что речь шла в основном о восстановительном росте, о возврате к тем показателям, которые уже достигались в прошлом при обычных для России условиях организации здравоохранения, его финансирования и т.п. Сейчас же необходимо ставить вопрос о следующем шаге — о преодолении отставания от других стран примерно такого же уровня развития. Это отставание очень велико, его преодоление требует не постепенных улучшений, а качественного прорыва, которого невозможно достичь при сохраняющемся недофинансировании всей системы охраны здоровья и жизни россиян. Современная высокая продолжительность стоит дорого, и даже не очень богатые страны расходуют на ее достижение более высоко, чем Россия, часть своего ВВП (рис. 27).

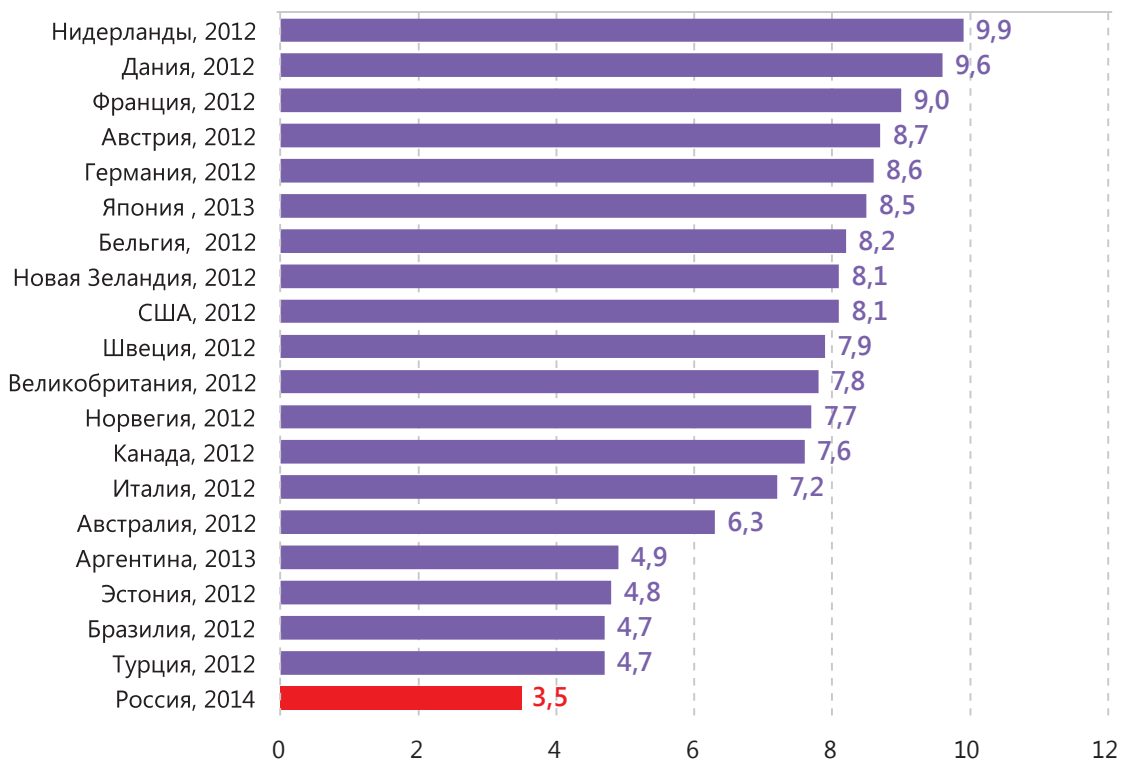
При столь низких затратах на охрану здоровья, как в России, ответить на вызов высокой смертности невозможно, при том что деньги решают не все и, по-видимому, вся система здравоохранения в России нуждается в реформировании.

---

² *Global, regional, and national disability-adjusted life-years (DALYs) for 315 diseases and injuries and healthy life expectancy (HALE), 1990–2015: a systematic analysis for the Global Burden of Diseases Study 2015 // Lancet 2016, 388: 1620–1623.*

Рисунок 27. Государственные расходы на здравоохранение в % к ВВП

Источник: *Здравоохранение в России. 2015: Стат. сб. / Росстат. — М., 2015*

5.

ВЫЗОВЫ
ВНУТРЕННЕЙ
МИГРАЦИИ

Последние 25 лет во внутренних миграциях России преобладает так называемый «западный дрейф», смещение массы населения с востока в юго-западном направлении. В результате между переписями 1989 и 2010 гг. население азиатской части страны уменьшилось на 3170 тыс. человек (на 10%), в то время как население европейской части, тоже убывавшее, сократилось на 995 тыс. человек (0,9%). После переписи 2010 г. население росло в обеих частях, но в европейской части быстрее, чем в азиатской.

Максимальных масштабов западный дрейф достигал в 1990-е гг., к настоящему времени его масштабы сократились, прежде всего в результате сокращения миграционного потенциала регионов Дальнего Востока. В табл. 3 приведена статистика перетока населения между отдельными крупными частями страны в западно-восточном направлении, но данные за 1991–2010 гг., по-видимому, занижены. Как показали переписи населения 2002 и 2010 гг., почти все регионы восточной части страны недосчитались населения, реальные масштабы западного дрейфа в первые постсоветские десятилетия были больше.

Таблица 3. Западный дрейф в 1991–2015 годах, тыс. человек (в среднем за год)

Годы	Миграционный прирост (убыль)					
	Округов европейской части* в обмене с округами азиатской части** страны	Уральского в обмене с округами европейской части	Уральского в обмене с округами азиатской части страны	Сибирского в обмене с округами европейской части и Уральским ФО	Сибирского в обмене с Дальневосточным	Дальневосточного в обмене с округами европейской и азиатской частей страны
1991–2000	92,9	-14,2	6,8	-29,5	10,9	-67
2001–2005	54,8	-7,4	4,8	-28	1,3	-25,5
2006–2010	57,7	-9,8	4,2	-29,8	3	-25,3
2011–2015	90,9	-14,7	5,6	-46,7	2,3	-35,0

Миграция не просто перераспределяет население с востока на запад страны, она способствует концентрации населения в небольшом количестве регионов, тогда как в других ведет к сокращению и без того немногочисленных жителей. Центров притяжения населения в стране мало, и практически все они расположены в европейской части страны. Три крупнейших центра — Московская и Санкт-Петербургская агломерации, Краснодарский край — настолько сильно притягивают население, что существование иных значимых центров притяжения внутристрановых мигрантов в последние годы остается под вопросом (табл. 4): не хватает мобильного демографического ресурса. Восточнее Новосибирской области регионов, устойчиво притягивающих население, нет, да и этот регион имеет миграционный прирост в основном за счет подпитки с востока и соседних регионов, среди населения которых он, возглавляемый третьим по величине городом России, является наиболее привлекательным в экономическом отношении центром.

Таблица 4. Миграционный прирост населения по основным центрам притяжения внутрисоссийских мигрантов, 1991–2015 гг., тыс. человек

Наименование центра	1991–2000*	2001–2010*	2011–2015
Москва и Московская область	1860	1890	796
Санкт-Петербург и Ленинградская область	200	500	310
Краснодарский край	300	200	186
Белгородская область	75	55	9
Республика Татарстан	50	35	16
Калининградская область	30	15	14
Нижегородская область	20	10	0
Ставропольский край	165	50	-16
Самарская область	70	40	-4
Новосибирская область	25	25	39

* Оценка от итогов переписей 2002 и 2010 гг.

Концентрация большей части населения страны на сравнительно небольшой части ее территории и запустение всего остального пространства — это несомненный вызов. Сейчас 27% населения России сосредоточено менее чем на 4% ее территории (ЦФО). Смещение населения на запад страны отражает конкуренцию регионов за людские ресурсы в условиях их явного дефицита. Все это заставляет еще раз задуматься о вызове недонаселенности России, о котором говорилось выше.

Миграционные потери многих территорий сглаживает прирост за счет долговременной международной миграции, но он не так значителен, как потери во внутрироссийской миграции. Да и этот поток в регионах к востоку от Красноярского края невелик: международные мигранты хотя и распределяются по территории страны более равномерно, все же предпочитают регионы Европейской России, юг Урала и Западной Сибири.

Предпринимаемые (декларативные) попытки развернуть направления миграционных потоков «в нужные стороны» и повысить общий уровень пространственной мобильности населения не приводят к значимым результатам. Для масштабных переселенческих процессов нет ни людских, ни финансовых ресурсов. Направления миграции в России зависят от концентрации ресурсов в Москве и нескольких других крупнейших городах, и если они и могут быть изменены, то только при условии очень серьезной корректировки экономической (в т. ч. региональной) политики. Во многих геополитически и стратегически важных регионах страны нет в должном количестве рабочих мест, способных привлечь дополнительные рабочие руки. Помимо этого, разные части страны отличает разная инфраструктурная обустроенность, для сглаживания существующих контрастов необходимы гигантские финансовые средства.

Миграционные потоки усиливают концентрацию населения в крупных и крупнейших городах с населением более 1 млн человек. В результате миграции в последние годы между наиболее плотно заселенными (2% общей площади) и наиболее слабозаселенными (более 90% площади) территориями страны перераспределяются ежегодно около 0,5 млн человек. Продолжают терять население сельская местность, малые и средние города. При этом значительное перераспределение населения происходит не между, а в пределах регионов — в региональные столицы и их пригороды из остальной части региона, внутренней периферии. В сельской местности часть юридически числящегося населения на самом деле фактически не проживают в селе³.

В миграции в основном принимает участие молодое население в возрасте 17–35 лет (наиболее активно — в возрасте поступления в вузы), в результате этого население основных притягательных для мигрантов центров успешнее противостоит старению, а экономика получает дополнительные рабочие руки. Напротив, на территориях оттока населения миграция усиливает старение и депопуляцию, экономика не получает стимулов к развитию, ведь уезжают наиболее активные. В местах длительной, продолжающейся многие десятилетия миграционной убыли не только деградирует население, но и разрушается в силу невостребованности инфраструк-

³ Фомкина А.А. Трансформация местных систем расселения слабоурбанизированных территорий Центральной России (на примере Тверской области). Автореферат дисс. М., 2016.

тура (прежде всего — социальная и транспортная), что создает стимулы к дальнейшему выезду населения. Подобные процессы происходят не только на восточных окраинах, но и повсюду в староосвоенных регионах центра страны, на значительном удалении от крупных городов. Реосвоение и поддержание многих сельских населенных пунктов происходит только силами дачников и только на летний сезон⁴.

Для молодежи проблема стоит не столько в выезде из своего поселка (села, моногорода), сколько в бесперспективности возвращения в него. Узкий рынок труда, низкая заработная плата, отсутствие возможностей для развития делают возвращение бесперспективным и во многих случаях — свидетельством краха личных амбиций.

ВРЕМЕННАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ — ОТХОДНИЧЕСТВО

Долговременная миграция в пределах России (в последние годы ее масштабы составляют более 4 млн человек в год) идет параллельно с процессами временной трудовой, вахтовой миграции, современным отходничеством. Масштабы участия россиян во внутренней временной трудовой миграции, согласно данным Обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ), не меняются на протяжении ряда лет и составляют 1,6–1,7 млн человек — без учета маятниковой (суточной) миграции, — хотя встречаются и гораздо более радикальные оценки, доходящие до 15–20 млн. По данным ОНПЗ, в течение последних лет трудовые мигранты составляют 2,4% всего занятого населения России в возрасте 15–72 лет. Степень участия в этой миграции сильно разнится как по регионам страны (наибольшее распространение она имеет среди домохозяйств Центрального, Приволжского и Южного федеральных округов), так и в зависимости от типов поселений — чаще на работу в другие регионы выезжают жители сельской местности и небольших городских поселений⁵.

И долговременные, и трудовые мигранты тяготеют к регионам-лидерам (Москва, Санкт-Петербург, ХМАО и ЯНАО, Ненецкий АО и Сахалинская область) и т. н. регионам, опережающим по доходу⁶. При этом переток работников осуществляется прежде всего из среднеразвитых регионов (к ним отнесены более 50 субъектов РФ) в регионы-лидеры. Наиболее слабые в социально-экономическом отношении «аутсайдеры» испытывают отток как населения, так и трудовых мигрантов, но основные «доноры» принадлежат к не самым бедным.

⁴ *Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. — М.: Новый хронограф, 2016. — 504 с.*

⁵ *Нефедова Т. Г. Отходники и село-городские миграции в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. № 3. с. 41–56.*

⁶ *Терминология НИСП, см. Социальный атлас российских регионов. Таблица типов http://www.socpol.ru/atlas/typology/Typology_tabl.htm*

В России действуют т. н. ловушки бедности, которые препятствуют не столько выезду населения из наиболее депрессивных и бедных поселений, сколько развитию человеческого капитала населяющих их жителей с последующей невозможностью реализовать его даже посредством миграции.

Основные центры притяжения мигрантов делят территорию России между собой (табл. 5), большее их число из Центрального, Южного и части Приволжского округов направляется в столичный регион, с Урала и Западной Сибири едут работать в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, а также в другие регионы севера — Красноярский край, Якутию. Иные центры притяжения трудовых мигрантов собирают работников с более локальных территорий.

Таблица 5. Распределение трудовой миграции в основные регионы притока, по регионам выхода (федеральным округам), 2014 г., %

Регионы, где заняты трудовые мигранты	Федеральные округа, откуда выезжают трудовые мигранты								Всего
	Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный	
Россия, всего	32,6	4,6	9,7	5,9	33,3	4,4	8,1	1,4	100
Москва и МО	53,9	1,2	9,0	4,6	30,1	0,5	0,7	0,0	100
Тюменская область, ХМАО и ЯНАО	1,5	1,0	6,4	3,5	51,4	15,8	20,3	0,0	100
СПб и Ленинградская область	15,5	57,8	6,1	7,5	12,3	0,0	0,8	0,0	100
Краснодарский край	6,6	3,2	42,5	32,2	7,4	1,3	5,4	1,3	100
Восточная Сибирь* и Дальний Восток	1,0	0,4	3,4	1,4	6,9	2,0	72,9	12,0	100

* Восточно-Сибирский экономический район

Источник: данные ОНПЗ

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ, ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ И ИХ СЕМЕЙ

Современное отходничество (трудовая миграция без смены места жительства) не привлекает особого внимания, хотя она порождает немало специфических проблем.

В отличие от долговременной миграции, подавляющая часть трудовых мигрантов перемещается в пределах своей части страны, ближайших регионов. Дальние поездки, связанные с большими транспортными издержками, совершаются на более длительный срок, соответственно, и поездки домой менее часты. 83% трудовых мигрантов, по данным ОНПЗ, мужчины от 20 до 50 лет, многие имеют семьи и детей. Они заняты в основном на работах, требующих средней квалификации, в строительстве, добыче полезных ископаемых, на транспорте, в охране. Женщины в основном заняты в сфере услуг⁷.

Лучше всего получается заработать на «дальней» вахте, на наиболее тяжелых работах, требующих часто специальных навыков и квалификации. В крупных городах, где работает большинство из них, они занимают рабочие места, не пользующиеся спросом у местного населения в силу специфики труда и сравнительно низкой заработной платы. Однако по меркам тех мест, откуда едут трудовые мигранты, эта работа высокооплачиваемая, позволяет поддерживать достаточно приемлемый уровень благосостояния их семьям.

По оценкам, основанным на опросах трудовых мигрантов из малых городов, проводившихся ИнСАП РАНХиГС в 2015 г., трудовые мигранты пересылали или привозили своим семьям около 70–75% заработанного⁸. Такие трансферты не только поддерживают потребление домохозяйств, но и перераспределяют немалые финансовые средства в пользу небогатых муниципальных образований. Т. к. рынок труда в местах выхода современных отходников ограничен — рабочие места есть в бюджетной сфере и на небольшом количестве предприятий, — трудовая миграция является основным демпфирующим фактором в случае потери работы, непостоянной занятости, для многих семей — единственной возможностью повысить доход и накопить на серьезные капиталовложения (ремонт и покупка дома, автомобиля и т. п., возврат крупных кредитов). Часть отходников зарабатывают деньги на покупку жилья в крупном городе для детей.

⁷ Более подробно о «портрете» трудовых мигрантов см.: Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Малева Т. М., Кириллова М. К. Миграция и рынок труда М.: Изд. дом Дело, 2015. 108 с.

⁸ Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Социально-экономические эффекты трудовой миграции из малых городов России // Вопросы экономики. 2016, №4. С. 103-123.

Выезд значительной части трудоспособного населения на работу в другие регионы и муниципальные образования вызывает озабоченность местных властей с позиций недобора налогов — ЕСН и подоходного. Эта озабоченность справедлива лишь в том смысле, что трудовые мигранты чаще всего получают социальные услуги не по месту работы, а по месту проживания их семей. Согласно данным ОНПЗ, трудовые мигранты чаще, чем местные работники, не оформляют должным образом отношения с работодателем. Тем не менее, возможно, экономические выгоды трудовой миграции для сельской местности и малых городов перекрывают недобор налогов.

Трудовая миграция одного из членов домохозяйства позволяет получать выгоды от работы на высокооплачиваемом (по меркам села, малого города) рабочем месте, получать дополнительные доходы от личного подсобного хозяйства (в т. ч. в свободное от работы на выезде время), пользоваться товарами и услугами, которые в крупных городах дороже. Это, наряду с большими издержками по переселению, сдерживает переезд всей семьи в крупный город, вследствие чего российская глубинка пустеет не с такой скоростью.

Немало отходников привыкает к работе на выезде, не готовы поменять ее на ежедневный наемный труд по месту проживания: месячный, недельный ритм работы меняет тип личности, формируя «ловушку свободного времени»⁹.

При этом семьи отходников живут «на разрыве», снижается частота личных контактов, в т. ч. с детьми. Такой образ жизни может служить фактором распада семей, хотя существует и противоположное мнение: «реже видимся — реже ругаемся». Хуже, если в трудовую миграцию вовлекаются оба взрослых члена домохозяйства, оставляя детей на попечение иных родственников. Нередко в семьях отходники рассматриваются, прежде всего, как источник денег, и сами они привыкают к этой роли, пренебрегая выполнением иных обязанностей, в т. ч. по воспитанию детей.

По месту работы в других регионах и городах трудовые мигранты часто проживают в стесненных условиях, в предоставляемых работодателями общежитиях или арендуя койко-места. Бытовые удобства используются по минимуму, зачастую откладывается лечение, занятия спортом. В отсутствие семьи и развитых социальных связей, вакуум осмысленных форм досуга после напряженного трудового дня часто заполняется алкоголем.

---

⁹ Подробнее см.: Нефедова Т. Г. Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки // Демоскоп Weekly. 2015. №641–642. <http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/demoscope641.pdf>

6.

ВЫЗОВЫ

ИММИГРАЦИИ

Масштабные международные миграции — явление для России новое и пока недостаточно осмысленное.

Россия никогда не была страной иммиграции. В советское время она долгое время выступала, скорее, как страна эмиграции в том смысле, что имела отрицательное сальдо в миграционном обмене с другими бывшими республиками СССР. Положение стало меняться с середины 1970-х годов, когда число въезжающих в РСФСР стало превышать число выезжающих. За 16 лет (1975–1990) миграционный прирост населения России (порядка 2,7 млн человек) сравнялся с миграционной убылью за предшествующие 20 лет (1955–1974).

Некоторую часть миграционного притока тех лет составляли коренные жители союзных республик. Но по абсолютным размерам эта часть притока была невелика, в основном же он состоял из «возвратных» мигрантов, т. е. россиян, ранее выехавших из России, и их потомков. Возвратная миграция резко усилилась после распада СССР, именно она определила масштабы миграционного всплеска 1990-х годов. Пик иммиграции пришелся на 1994 г., всего за 1992–2000 гг. оцениваемый Росстатом миграционный прирост составил 4,5 млн человек, затем его масштабы стали сокращаться. О том, что это была возвратная миграция, свидетельствует этнический состав мигрантов. Он учитывался до 2007 г., по данным этого учета, за 1992–2007 гг. свыше 80% миграционного прироста годы составляли русские, другие народы России, а также украинцы и белорусы (рис. 28).

Достоверная оценка масштабов миграционного притока в Россию затруднена тем, что официальные критерии того, кого следует относить к мигрантам, и соответственно учет их Росстатом неоднократно менялись, что не позволяет построить надежные ряды сопоставимых данных.

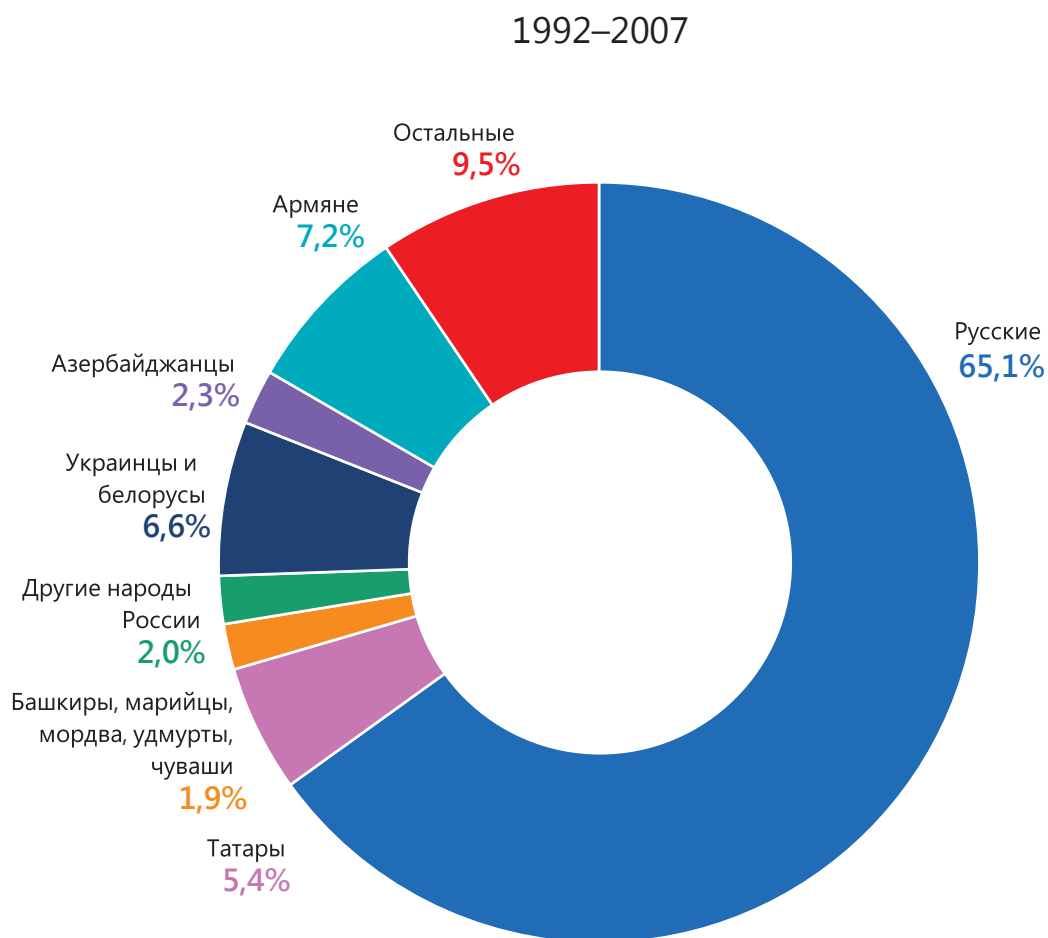
Не способствуют пониманию масштабов иммиграции в Россию и широко тиражируемые — со ссылкой на международные организации — утверждения, подобные сравнительно недавнему сообщению ТАСС: «Россия занимает третье место в мире по числу мигрантов после США и Германии»¹⁰. Международные организации действительно дают такие

---

¹⁰ ТАСС, 19 апреля 2016 г. <http://tass.ru/obschestvo/3219064>

оценки, но при этом надо учитывать, что эти оценки относятся к так называемому накопленному числу мигрантов (migrant stock), т. е. к общему числу людей, живущих не в той стране, в которой они родились. В публикациях ООН разъясняется, что большое число мигрантов в России «обусловлено переклассификацией лиц, которые переезжали в СССР до 1990 г. в качестве внутренних мигрантов и которые стали международными мигрантами в момент распада, никуда не перемещаясь в это время»¹¹. Соответственно, все жители России, родившиеся в советское время за пределами РСФСР и указавшие на это при переписи населения, считаются мигрантами.

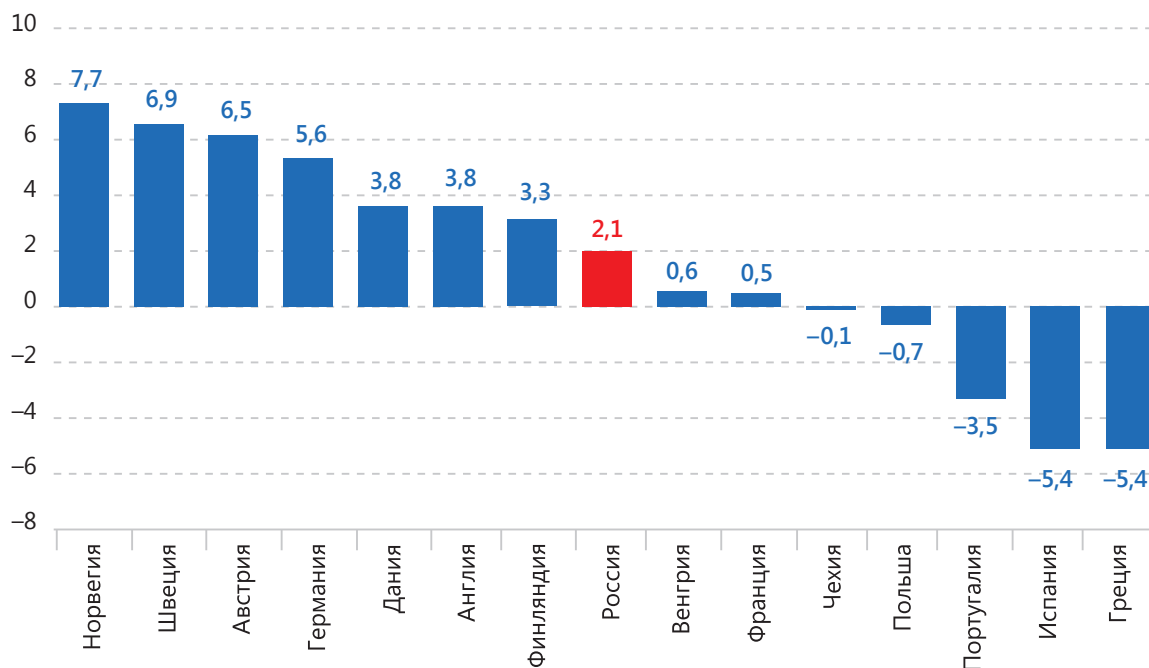
Рисунок 28. Этнический состав учтенного миграционного прироста населения России за 1992–2007 гг.

¹¹ Trends in total migrant stock: The 2005 revision. UN Department of Economic and Social Affairs. Population Division. UN, 2006, p. 1.

Если же судить по интенсивности текущей миграции, то Россия занимает среди других стран весьма скромное место (рис. 29).

Рисунок 29. Коэффициент миграционного прироста в некоторых странах в 2013 г. на 1000 чел.

Оценки текущей миграции основаны на данных о зарегистрированной миграции. Но, наряду с регистрируемой, в постсоветской России получила довольно широкое распространение и нерегистрируемая, или недокументированная, миграция, которую в России называют незаконной, хотя это и не рекомендуется международными организациями. Такая миграция не поддается прямому учету, ее масштабы становятся предметом постоянных спекуляций, будоражащих общественное мнение.

Хотя эксперты оценивали число недокументированных мигрантов в начале 2000-х годов в 3-5 млн человек¹², высокопоставленные чиновники стали озвучивать свои, гораздо более высокие оценки. Так, в апреле 2002 г. тогдашний руководитель миграционной службы А. Черненко заявил, что за последние 5-6 лет число приезжающих в Россию увеличилось на 10 миллионов человек¹³. Примерно тогда же руководитель межведомственной рабочей группы по вопросам совершенствования иммиграционного законодательства В. Иванов на парламентских слушаниях в Госдуме

¹² См., напр., *Население России — 2006. М., 2007:*

¹³ *РИА Новости, 14 апреля 2002.*

сообщил, что только в 2001 году в Россию въехало из стран СНГ и других государств 15 миллионов человек¹⁴. По заявлению замминистра внутренних дел А. Чекалина, «общее количество иностранцев из дальнего и ближнего зарубежья, прибывших на территорию России, в 1995 году составило 10,2 миллиона человек, а в 2002-м — уже 23,3 миллиона. Из государств — участников СНГ приехало соответственно 4,9 и 15,4 миллиона»¹⁵. Он же сообщил, что ежегодная разница между числом въехавших в страну и покинувших ее составляет около 2 миллионов человек¹⁶. Еще один высокопоставленный чиновник МВД В. Попков распространил информацию о том, что «ежегодно в России оседает 3-3,5 млн незаконных переселенцев. К 2010 году число нелегально проживающих в России лиц может возрасти до 19 млн. человек»¹⁷.

Во всех этих заявлениях смешивались без всяких разъяснений постоянная и временная миграция, число прибывших и число осевших в стране граждан других стран, число приезжающих и число одновременно находящихся в стране, число людей и число перемещений (один и тот же человек мог пересечь границу несколько раз) и т. д. Никого не смущал сам порядок называемых цифр. Скажем, определяя число работающих в России мигрантов в 2005 г. в 10-15 млн человек, не учитывали, что при 69 млн человек, занятых тогда в российской экономике, это означало, что нелегальные мигранты составляли от 15 до 22% вовлеченной в экономику России рабочей силы.

Постепенно пришло осознание чрезмерности даваемых оценок, и Федеральная миграционная служба стала их снижать. Еще в ноябре 2006 г. В. Путин говорил, что число нелегальных мигрантов может достигать 15 млн человек¹⁸, а через месяц, в декабре 2006 г., глава ФМС К. Ромодановский заявил: «По нашим расчетам, сейчас в России находятся 10,2 млн нелегальных мигрантов. Правда, наука с нами спорит и говорит, что у нас не может быть столько нелегалов»¹⁹. Буквально через несколько дней он же утверждал, что «в настоящее время в России около 5 миллионов нелегальных мигрантов, в то время как в 2005 году их было более 10 миллионов»²⁰. Позднее представители ФМС несколько раз называли цифру 5-7 млн, хотя представители других ведомств продолжали говорить о 10 и более миллионах нелегалов²¹. В феврале 2009 г. заместитель директора ФМС А. Кузнецов сообщил, что

¹⁴ ИТАР-ТАСС, 4 апреля 2002.

¹⁵ Трибуна, 6 марта 2003.

¹⁶ Интерфакс, 9 апреля 2003.

¹⁷ РИА Новости, 11 сентября 2003.

¹⁸ Путин В. В. Выступление на встрече с руководством «Единой России», 17 ноября 2006.

¹⁹ Комсомольская правда, 29 декабря 2006.

²⁰ Интерфакс, 5 января 2007.

²¹ 10–14 млн (главный санитарный врач России Г. Онищенко, РИА Новости, 24 марта 2008); более 10 млн (начальник Федеральной пограничной службы ФСБ В. Летуновский, Би-Би-Си, 9 сентября 2008).

в России живут и трудятся нелегально 4 млн иностранцев и лиц без гражданства²². А в апреле 2009 г. К. Ромодановский и вовсе заявил, что, нелегальных мигрантов в России «тысячи, десятки тысяч человек, но это не миллионы. Массовой нелегальщины у нас нет»²³.

Скорее всего, эта последняя оценка недокументированной миграции в России была занижена, но нет сомнения, что ее реальные масштабы далеки от тех резко завышенных, ни на чем не основанных величин, которые на протяжении многих лет постоянно вбрасывались в информационное пространство чиновниками и тиражировались средствами массовой информации.

Постоянное завышение истинных масштабов миграции в сочетании с предвзятой информацией об этническом и религиозном составе мигрантов, их культурных установках и бытовом поведении привело к формированию негативного отношения общественного мнения к иммиграции, что затрудняет объективную оценку этого важнейшего демографического ресурса и выработку миграционной стратегии, отвечающей интересам России.

В чем же в действительности заключаются эти интересы?

Опыт последних 25 лет показывает, что иммиграция стала серьезным демографическим ресурсом для нашей страны. Если население России сейчас растет, то почти исключительно за счет иммиграции. И даже когда население убывало (в 1993–2008 гг.), иммиграция на 60% компенсировала его естественную убыль. Население России за эти годы сократилось на 5,2 млн человек, но если бы не было иммиграции, то сокращение составило бы 13,2 млн. Всего же за 1992–2015 гг. миграционный прирост населения России составил около 9 млн человек. Роль иммиграции как основного источника роста населения России сохранится и в будущем, причем масштабы миграционного притока должны быть достаточно большими. Только чтобы перекрыть неизбежную естественную убыль населения и избежать сокращения населения России, может понадобиться принимать 500 тыс. мигрантов в год, а то и более.

Эксперты и политики, как правило, связывают вопрос об иммиграции с состоянием рынка труда, и это, безусловно, очень важный аспект проблемы иммиграции. Но он не единственный и даже, может быть, не главный. Выше говорилось об очевидной недонаселенности России, и если рассматривать эту недонаселенность как вызов, то ответом на него может стать только привлечение мигрантов.

Это не новый вопрос. В советское время и в общественном мнении, и в официаль-

---

²² *Время новостей*, 12 февраля 2009.

²³ *РИА Новости*, 8 апреля 2009.

ном дискурсе существовало довольно ясное представление о заинтересованности российских регионов в притоке мигрантов, которые рассматривались и как экономический, и как демографический ресурс. Уже в 1970–1980-е годы много говорилось и писалось о необходимости привлечения в «трудонедостаточные» районы России — Центральную Россию, Сибирь, на Дальний Восток — населения из других частей СССР, особенно из перенаселенной Средней Азии, в ряде документов это было сформулировано как официальная позиция. Например, на XXVI съезде КПСС в 1981 г. говорилось о том, что осложняется «положение с трудовыми ресурсами в ряде мест. Осуществление программ освоения Западной Сибири, зоны БАМа, других мест в азиатской части страны увеличило туда приток населения. И все же люди до сих пор зачастую предпочитают ехать с севера на юг и с востока на запад, хотя рациональное размещение производительных сил требует движения в обратных направлениях. В Средней Азии, в ряде районов Кавказа, наоборот, есть избыток рабочей силы, особенно на селе. А значит, нужно активнее вовлекать население этих мест в освоение новых территорий страны»²⁴. В целом эта позиция отражала тогдашние взгляды экспертного сообщества, в ней была достаточная широта и определенность, хотя реальный приток представителей народов южных республик (тогда — внутренних мигрантов в пределах СССР) был небольшим.

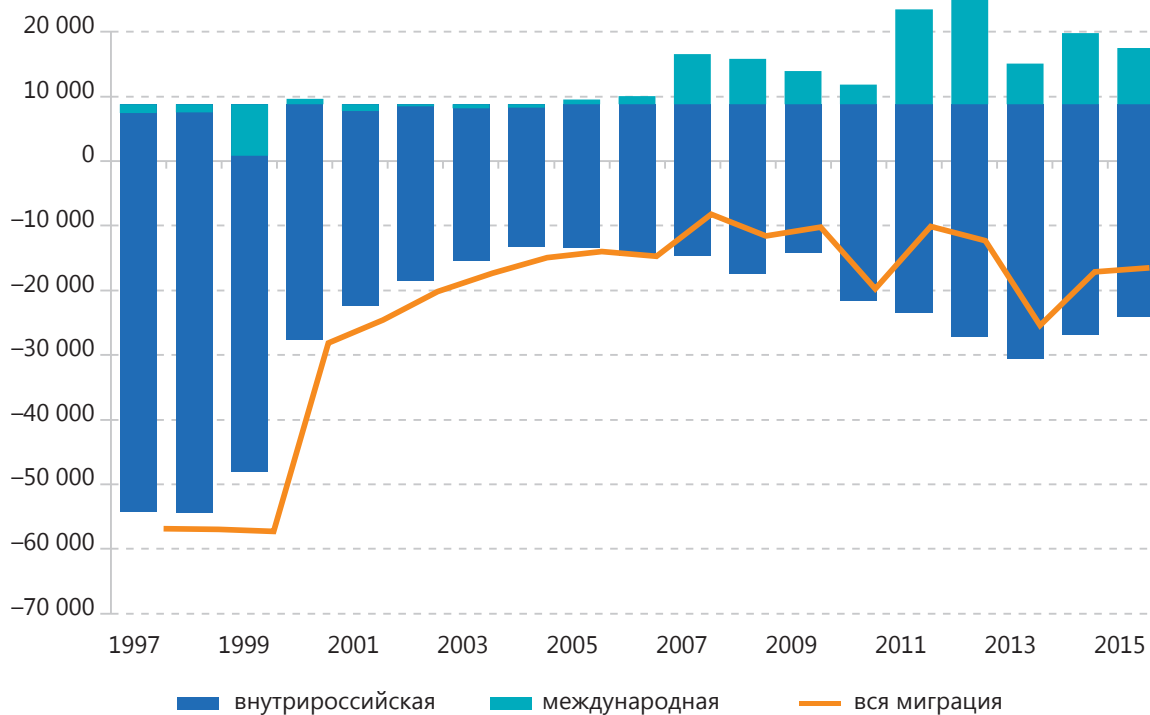
Сейчас положение изменилось коренным образом — и сразу в двух направлениях. С одной стороны, долгожданные мигранты из Средней Азии поехали в Россию, а с другой — они перестали быть долгожданными. И в общественном мнении, и в политическом дискурсе все чаще просматривается желание как можно больше ограничить приток мигрантов из Средней Азии — ее коренного населения, ставшего после завершения «репатриации» выходцев из России основным резервуаром, питающим миграционные потоки в Россию. Между тем объективная ситуация невозможности «осуществления программ освоения Западной Сибири, зоны БАМа, других мест в азиатской части страны», о чем говорилось на партийном съезде 35 лет назад, если и изменилась, то только к худшему. Население этих и без того слабо заселенных регионов сокращается.

Уже довольно давно обсуждаются планы увеличения населения Дальнего Востока. Разработана и недавно представлена в правительство концепция демографического развития этого региона, которая предполагает увеличение численности населения дальневосточного региона к 2030 году до 7 млн человек (сейчас — 6,2 млн). Эти планы совершенно не соответствуют наблюдаемым тенденциям. Именно население Дальнего Востока сокращается наиболее быстро. После пика выезда населения, пришедшегося на 1990-е гг., интенсивность оттока в результате внутрироссийской

²⁴ Отчет Центрального комитета КПСС XXVI съезду КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Часть III. Социально-политическое и духовное развитие советского общества и задачи партии. Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981. С. 54.

миграции в ДВФО начиная с 2000 г., держится на уровне 4-6 человек на 1000 населения, 30-40 тыс. человек ежегодно (рис. 30), и, несмотря на ожидания скорого прекращения оттока населения, тенденции пока не меняются.

Рисунок 30. Миграционный прирост (убыль) населения Дальневосточного ФО, человек

Внутренних демографических ресурсов, которые можно было бы перенаправить на Дальний Восток, в России нет, без мигрантов извне и их натурализации решить задачу пополнения его населения невозможно. А в дополнительном населении нуждается не только Дальний Восток — люди нужны и в огромной Сибири. Эта потребность в людях не связана непосредственно с имеющимся рынком труда. В экономике далеко не редки ситуации, когда соединение людей с неиспользуемыми ресурсами как раз и создает рынок труда там, где его до этого не было. Так развивалась такая страна, как США.

Это не значит, конечно, что в России нет проблем с существующим рынком труда, которые также не могут быть решены без привлечения мигрантов. Неслучайно «оптимизация потоков трудовой миграции исходя из потребностей национальной экономики» рассматривается как одна из важных задач стратегического экономического планирования²⁵. Численность населения в возрасте 20–64 лет — основной

²⁵ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г.

контингент трудоспособного населения — после 2012 г. сокращается, и к началу 2030-х годов это сокращение составит 10-12 млн человек. При этом доля младшей возрастной группы (20–39 лет) по отношению ко всему этому контингенту к 2032 г. понизится с 48 до 37%. Приспособиться к столь быстрому и значительному сжатию предложения без привлечения дополнительных мигрантов рынок труда едва ли сможет, особенно с учетом того, что еще совсем недавно ситуация была противоположной, и рынок труда привык к тому, что численность и доля трудоспособного населения неуклонно росла.

Запрос рынка труда на работников-мигрантов имеет не только количественный, но и качественный аспект. Сейчас нет ясного представления о том, в каких именно работниках нуждается и будет нуждаться российская экономика в ближайшие 10-20 лет. Согласно широко распространенным взглядам, нам требуются квалифицированные иммигранты, хотя понятие «квалифицированный» практически никогда не определяется, и непонятно, идет ли речь о квалифицированных рабочих, квалифицированных земледельцах или только о топ-менеджерах и исследователях высшей квалификации. В то же время неясно, за счет кого будет удовлетворяться потребность в работниках массовых профессий в сфере обслуживания, торговле, строительстве, коммунальном хозяйстве и т. п., квалификационные требования к которым не столь уж высоки, при том что спрос на них весьма значителен. Ориентация на приток извне квалифицированной рабочей силы плохо увязывается с повышенным спросом на молодых работников, который вытекает из быстрого старения собственного трудоспособного населения.

В достаточно массовых потоках трудовой миграции из Средней Азии или других развивающихся азиатских стран, на которые может рассчитывать Россия, неизбежно будет много молодежи, но, соответственно будет высока и доля низкоквалифицированной рабочей силы, вчерашних крестьян, не подготовленных или плохо подготовленных к городским видам деятельности и способных заполнять лишь нижние этажи профессиональной пирамиды. Но на их дешевый непритязательный труд всегда есть спрос, за счет именно такой миграции сформировалось городское население России и других стран: уже живя в городах, оно стало образованным и квалифицированным.

Потребности рынка труда в притоке рабочей силы извне могут быть, в значительной степени покрыты за счет временной трудовой миграции, «гастарбайтеров». Однако такая миграция дает лишь ограниченный ответ на экономические и не дает ответа на демографические вызовы. Она не позволяет поддерживать или даже наращивать численность населения страны или хотя бы каких-то ее слабо заселенных регионов. Поэтому разумная стратегия должна быть ориентирована на одновременный ответ и на те, и на другие вызовы.

Такая практика существует во многих странах, где имеются программы, предполагающие растянутое по времени пребывание и работу в принимающей стране. Мигранты как бы проходят ряд фильтров, получают возможность менять свой статус в стране приема, их документы о временном проживании и работе могут неоднократно продлеваться. В конечном счете во многих случаях временное пребывание постепенно переходит в постоянное проживание или натурализацию.

Формально Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 г. (принята в 2012 г.) по своему замыслу — также «гибридная», объединяющая в единое целое политику и временной, и постоянной миграции, подчеркивающая важность интеграционной компоненты. Однако на практике меры по развитию постоянной миграции все еще остаются на стадии обсуждения. Из принятых более 50 законодательных актов практически ни один, за исключением программы переселения соотечественников, непосредственно не относится к миграции на постоянное место жительства.

В общественно-политическом дискурсе в России, как и во многих других странах, принимающих мигрантов, постоянно подчеркиваются связанные с массовой иммиграцией риски — социальных напряжений и конфликтов, разрушения культурной идентичности коренного населения и т. п. Эти риски, безусловно, существуют, однако все они вытекают не из каких-то врожденных качеств мигрантов, а из их недостаточной интегрированности в принимающее общество. Поэтому главный вызов иммиграции для России — это вызов интеграции мигрантов в российский социум. Россия нуждается в людях, и следовало бы в максимальной степени использовать иммиграцию как демографический ресурс. Но страна не может принимать больше людей, чем она способна интегрировать. Эта способность имеет свои границы, однако ее можно наращивать. Это — самостоятельная задача, если она будет осознана и станет решаться, будет смягчена и острота демографических проблем России.

7.

ВЫЗОВЫ
ЭМИГРАЦИИ

Демографических оснований для эмиграции из России нет, и, хотя эмиграция существует, ее масштабы не таковы, чтобы оказывать серьезное влияние на демографическую ситуацию, как это имеет место, например, в некоторых странах Балтии. Эмиграция представляет собой вызов как «утечка мозгов», это скорее экономический или политический, нежели демографический вопрос.

Судить о масштабах эмиграции из России довольно сложно. Как показывает мировая практика, качество учета иммигрантов, как правило, намного превосходит качество учета эмигрантов. Иностранцы граждане, приезжающие в другую страну для постоянного проживания, учитываются при переписях и выборочных обследованиях, отражаются в регистрах населения и иностранцев, а также других административных информационных системах. Благодаря этому, во многих странах имеются данные о потоках и числе иммигрантов, их различных социально-экономических и демографических характеристиках. По этой причине при определении числа эмигрантов из Российской Федерации правильнее ориентироваться на статистику стран их приема.

О современных расхождениях российских и зарубежных оценок свидетельствуют данные, приведенные в таблице 6. Как видно, эти расхождения достигают значительных величин. Так, немецкая оценка миграционного прироста Германии за счет России превышает российскую оценку в 22 раза, испанская — в 28 раз, австрийская — в 18 раз. Число россиян, получивших иммиграционный статус в Канаде, в 46 раз превышает количество тех, кто выехал по российским данным в Канаду на постоянное место жительства. Даже принимая во внимание различные критерии определения эмигрантов/иммигрантов в приведенных в таблице странах, очевидно, что российская статистика недоучитывает масштабы эмиграции.

Эмиграцию из Российской Федерации в постсоветский период, с учетом ее объемов и географии, а также социально-демографических характеристик эмигрантов, можно разделить на две волны. Первая и более мощная из них началась еще в конце 1980-х гг. и закончилась в начале 2000 гг. Вторая последовала за первой и продолжается в течение десяти последних лет (рис. 31).

Таблица 6. Пример расхождения между российскими и зарубежными оценками миграционных потоков в Россию и из России, 2015 год

Страны	Российские данные			Зарубежные данные		
	Прибывшие	Выбывшие	Прирост	Прибывшие	Выбывшие	Прирост
Израиль	1077	1050	+27	6716	–	–
Канада	189	457	-268	8799	–	–
США	1084	1610	-526	2147	–	–
Австрия	122	187	-65	2947	1742	+1205
Германия	3976	4531	-555	25 082	11 876	+13 206
Испания	279	411	-132	7042	3254	+3788

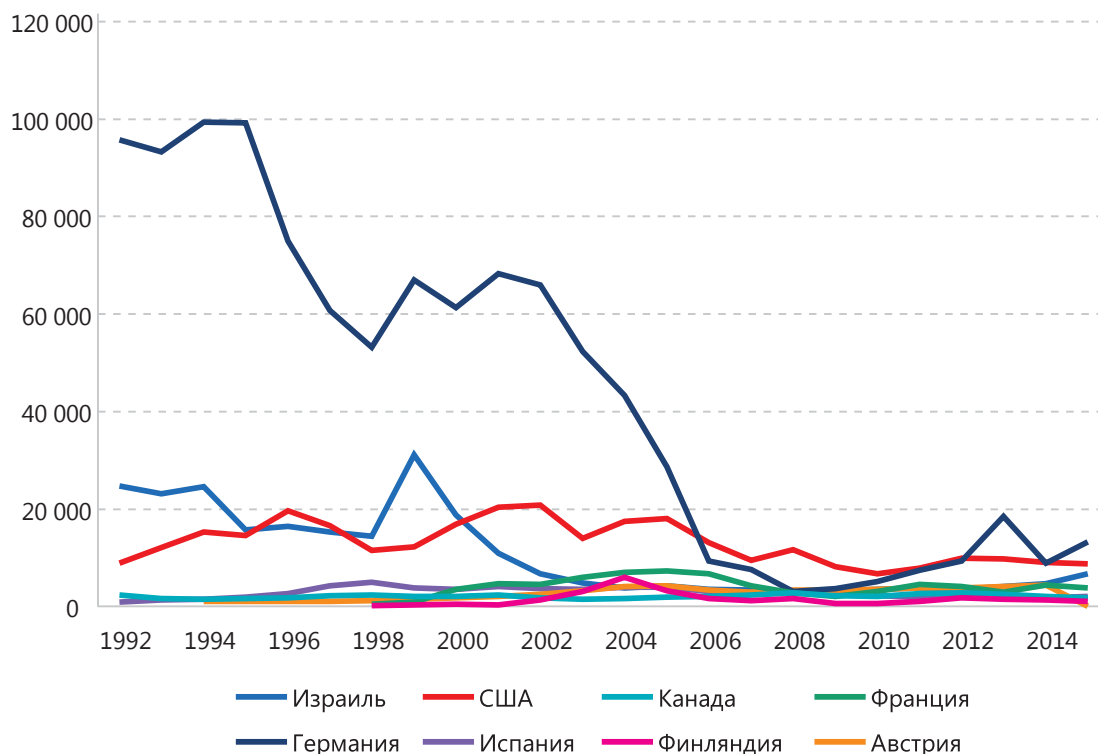
Примечание: знак «–» в графе «Прирост» по российским данным означает миграционный отток из России, знак «+» в графе «Прирост» по зарубежным данным означает миграционный прирост указанных стран за счет России

Источник: Росстат, национальные статистические службы Австрии, Германии и Испании, миграционные службы Канады и США, Министерство алии и абсорбции Израиля

Как известно, СССР был закрытой страной, «двери» которой приоткрывались только на короткое время и в силу определенных исторических обстоятельств. В 1986 г. на постоянное место жительства в Германию выехали 2,1 тыс. человек, а в Израиль — чуть более 200 человек. После либерализации правил выезда из СССР в 1987 г. и падения железного занавеса эмиграция из Советского Союза резко увеличилась. В общей сложности за период с 1989 по 2002 г. включительно, по данным Министерства внутренних дел России, на постоянное место жительства в страны дальнего зарубежья выехало 1265 тыс. человек. Эти данные не точны, поскольку в них не учитывались те, кто эмигрировал без получения официального на то разрешения из МВД. Если обратиться к зарубежной статистике, то оценка оттока из России за этот период увеличится как минимум до 1,6 млн человек.

Отличительной чертой российской эмиграции 1990-х гг. была ее четкая географическая направленность и ярко выраженная этническая компонента. Более 90% всех эмигрантов направлялись в 3 страны: в Германию, Израиль и США. По данным российской статистики, этнические немцы и евреи составляли большую часть эмигрантов (почти 70% с 1989 по 2003 г.). Они переезжали на свою историческую родину по репатриационным программам. В США до 1995 года более половины эмигрантов из России и бывшего СССР прибывали как беженцы.

Рисунок 31. Эмиграция из России по данным зарубежных стран, 1992–2015 гг., человек

Источник: национальные статистические службы Австрии, Германии, Испании, Франции и Финляндии, миграционные службы Канады и США, Министерство алии и абсорбции Израиля

К середине 2000-х гг. эмиграционный отток существенно сократился (табл. 7 и 8). Особенно заметным это сокращение было в главных центрах притяжения эмигрантов из России — в Германии и Израиле. Уменьшение эмиграции было связано с действием трех основных факторов.

Первый — это исчерпание потенциала репатриации. По данным переписей населения, с 1989 по 2010 г. численность евреев в России уменьшилась с 550 до 157 тысяч, немцев — с 842 до 394 тысяч.

Второй — миграционная политика принимающих стран. Выходцы из России, как и из других бывших союзных республик, потеряли разного рода миграционные привилегии, которые им были предоставлены в 1990-х гг., в частности, упрощенный порядок получения статуса беженца и разнообразные грантовые программы для обучения и работы. В новых условиях потенциальным эмигрантам из России приходится выдерживать конкуренцию за «вакансии» в богатых странах с желающими переехать в них из других регионов мира. Иммиграционная политика при-

нимающих стран формирует правила отбора эмигрантов на профессиональную состоятельность, языковую подготовку и интеграционные возможности. Сегодня среди выходцев из России стало относительно больше молодых, образованных и богатых, чем в 1990-х гг.

Таблица 7. Прибывшие из России, получившие статус иммигранта или гражданство (тыс. человек)

Страны	1992–2003	2004–2015
США	182,8 (199,8*)	130,2 (139,6*)
Израиль	206,8	47,3
Канада	29,5 (35,3*)	32,4
Австралия	6,5	10,1

Источник: миграционные службы Австралии, Канады и США, Министерство алии и абсорбции Израйля

Таблица 8. Миграционный прирост за счет России (тыс. человек)

Страны	1992–2003	2004–2015
Германия, всего	795,7	158,3
Граждане России и др.	217,6	93,8
Этнические немцы	578,1	64,6
Финляндия	20,9	26,8
Скандинавские страны	20,6	26,2

Источник: национальные статистические службы Германии, Финляндии, Дании, Швеции, Норвегии

Третий — экономический рост и повышение благосостояния населения России в 2000-е гг. Правда, несмотря на экономические успехи, разрыв в уровне и качестве жизни между Россией и развитыми и некоторыми развивающимися странами сохраняется, что обуславливает сохранение эмиграционного оттока в настоящем и будущем, а также расширение его географии. Так, в 2000-х гг. к трем основным (Германии, Израилю, США) странам приема эмигрантов из России подтянулись Канада (табл. 7), Испания, Чехия, Италия, Австрия, Франция. Осталась значимой позиция Финляндии (табл. 8). Так, миграционный прирост Испании

за счет России превысил в 2004–2015 гг. 50 тыс. человек, Италии и Чехии — 30 тысяч, Австрии — 20 тысяч. В общей сложности, по нашим оценкам, основанным на зарубежных источниках, в 2004–2015 гг. за рубежи бывшего СССР на постоянное место жительства выехало не менее 700 тыс. российских граждан. Это заметно больше, чем показывает Росстат. По российским данным, миграционный отток²⁶ из России в развитые страны ОЭСР за этот период составил около 100 тыс. человек.

В общей сложности за пределами бывшего СССР постоянно проживает почти 3 млн уроженцев России. Из них 2/3 — в Германии (1,3 млн), США (более 400 тыс.) и Израиле (около 270 тыс.). Многие из эмигрантов сохраняют российское гражданство, а также бизнес, собственность и тесные связи с Россией. По данным консульского учета, в 2013 г. таковых насчитывалось в США — почти 120 тыс., в Израиле — более 130 тыс., в Германии — почти 570 тыс. По нашим оценкам, за рубежом проживает более 1 млн человек, которые имеют или только российское, или российское и иное гражданство.

Эмиграция из России продолжается. В нее вовлечено значительно большее число людей, чем то, которое показывает российская статистика. Миграция является органической частью процесса глобализации. Но, как и всегда, перемещения мигрантов будут направлены туда, где перед ними открываются более привлекательные возможности получения достойных доходов, интересной работы, качественного и недорогого образования, медицинского обслуживания, безопасного проживания, политических свобод и пр.

За последние пятнадцать лет эмиграционный отток из России за пределы бывшего СССР заметно изменился по своему объему, причинам и характеристикам эмигрантов. В целом среднегодовое количество эмигрантов уменьшилось. Но среди покидающих Россию увеличилась доля молодых людей, а также доля лиц с высоким уровнем образования, квалификации и благосостояния. Если в начале 2000-х гг. доля уроженцев России с высшим образованием в странах ОЭСР составляла 27%, то в 2010–2011 гг. — примерно 35%²⁷. При этом в самой России доля лиц с высшим образованием на эти даты равнялась соответственно 19% и 28%. По оценкам ОЭСР, уровень образования эмигрантов из России является одним из самых высоких среди эмигрантов из всех стран мира, включая развитые страны.

²⁶ В данном случае речь идет о разнице между эмигрантами и иммигрантами. Это позволяет в определенной степени учесть ту составляющую в миграционных перемещениях, которая связана со временной миграцией. Временные мигранты включаются в российское определение международных мигрантов, согласно которому к ним относятся не только те, кто поставлен на регистрационный учет по месту постоянного жительства после прибытия из-за границы или снялся с него в связи с выездом за рубеж, но и те международные мигранты, которые имели в России временную регистрацию на срок 9 месяцев и более.

²⁷ Arslan C., Dumont J.-Chr. et al. A New Profile of Migrants in the Aftermath of the Recent Economic Crisis. OECD Social, Employment and Migration Working Papers, 2014, No. 160.

Оценки последствий утечки умов зависят от того, какие категории эмигрантов включаются в это понятие: только ученые, или, вместе с инженерами и врачами все лица с высшим образованием в целом, или только тех из них, кто продолжает работать по специальности. Правительственные оценки масштабов миграции ученых были озвучены бывшим министром образования и науки РФ Д. Ливановым: с 1989 по 2004 год из России уехало порядка 25 тысяч ученых, а еще 30 тысяч работали за рубежом по временным контрактам²⁸. Согласно неправительственным источникам (РФФИ), только «за первую половину 90-х годов из страны выехало не менее 80 тысяч ученых, а прямые потери бюджета составили не менее 60 млрд \$». По оценкам ректора МГУ В. А. Садовниченко, за 1990-е гг. Россия лишилась приблизительно 1/3 своего интеллектуального потенциала. Только из МГУ выехало около 20% всех профессоров и преподавателей. В последующий период 2002–2010 гг., по расчетам С.В. Рязанцева, реальные потери утечки умов в страны дальнего зарубежья за период составили от 750 тыс. до 1 млн человек с высшим образованием, в том числе порядка 1,2–1,6 тыс. докторов и кандидатов наук²⁹. Согласно имеющимся американским оценкам, в 1990-х гг. из России около 10 тысяч ученых выехали и продолжили научную карьеру в США³⁰. В общей сложности из России в США на постоянное место жительства по трудовым контрактам, которые заключаются с высококвалифицированными специалистами, с 1994 по 2015 год выехало примерно 38 тыс. человек, в том числе 18 тыс. в 1994–2004 гг., и 20 тыс. — в 2005–2015 г.³¹

Вместе с тем потенциал эмиграции из России не следует переоценивать. Согласно обследованию, проведенному в 2013–2014 гг. НИУ ВШЭ среди 6,5 тыс. выпускников российских вузов, лишь 5% реально собираются продолжать свою учебную и рабочую карьеру за рубежом.

Хотя эмиграция из России все больше приобретает черты утечки умов, нельзя сказать, что ее неоднозначные последствия достаточно хорошо изучены и что о ней действительно можно говорить как о серьезном вызове. Этой теме уделяется большое внимание в масс-медиа и общественных дискуссиях, но содержательных работ — немного³². К недостаткам обсуждений следует отнести, во-первых, некритическое обращение с данными о миграции, и, во-вторых, недоучет общего состояния российского рынка труда и академической науки. Имеющиеся данные показы-

²⁸ <http://comparative.edu.ru:9080/PortalWeb/Msg?id=5715>

²⁹ Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Эмиграция ученых из России: циркуляция или утечка умов. Социологические исследования. 2013, № 4.

³⁰ Ina Ganguli *Immigration & Ideas: What Did Russian Scientists 'Bring' to the US?* Stockholm Institute of Transition Economics. Working paper, November 2014 No. 30.

³¹ The U.S. Citizenship and Immigration Services. *Statistical Yearbook за 1995–2015 гг.*

³² *Постсоветские трансформации: отражение в миграциях* / Под ред. Ж. А. Зайончковской и Г. С. Витковской. М.: Адамант, 2009; Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Эмиграция ученых из России: циркуляция или утечка умов. Социологические исследования. 2013, № 4.

вают, что в России только половина обладателей дипломов о высшем образовании работают по специальности³³. Иными словами, внутренняя утечка умов намного масштабнее внешней.

Эмиграция высококвалифицированных специалистов характерна не только для России. За границами Великобритании работает более 1,5 млн уроженцев этой страны с высшим образованием, за границами Франции — 620 тыс., США — 600 тыс.³⁴ Миграция таких специалистов — неотъемлемая черта процесса глобализации. Международные миграции этой категории работников нередко имеют характер циркуляций, когда мигранты перемещаются из одной страны в другую, возвращаясь при этом и на свою родину. Такие миграции способствуют обмену знаниями, научными и организационными идеями и в этом смысле могут быть весьма полезными.

Конечно, позитивный вклад международных миграций «мозгов» ослабевает, если потоки приобретают односторонний характер и действительно превращаются в утечку. Но в целом мировой и отечественный опыт показывает, что потери от утечки умов не оцениваются количеством уехавших, а проблемы, порождаемые такой утечкой, не решаются разного рода ограничениями или запретами на выезд. Односторонний отток квалифицированных специалистов сокращается по мере создания им условий для полноценной работы, достойной и безопасной жизни и — возможно, это самое главное — самореализации. А риски, связанные с таким оттоком, естественным образом уменьшаются, если ему противостоит более или менее равнозначный приток квалифицированных специалистов из других стран. В 1990-е годы утечку умов из России в страны дальнего зарубежья компенсировал приток «умов» в лице русскоязычных мигрантов из стран СНГ. Но в 2000-х гг. потенциал этого источника оказался в значительной степени исчерпанным. Подобно другим развитым и успешным развивающимся странам, России, очевидно, надо сделать шаг навстречу «умам» из стран, находящихся за пределами бывшего СССР.

---

³³ *Российский работник: образование, профессия, квалификация.* / Под ред. В. Е. Гимпельсона и Р. И. Капелюшникова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 331.

³⁴ *OECD DIOC 2010/11.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И сегодняшняя, и завтрашняя демографическая ситуация в России и, соответственно, порождаемые ею вызовы определяются, с одной стороны, тенденциями трех главных демографических процессов — рождаемости, смертности и миграции — и их взаимодействием, с другой стороны — сложившимся половозрастным составом населения.

Ответ общества на стоящие перед ним вызовы также может быть двояким.

Можно попытаться изменить тенденции демографических процессов, воздействуя на них мерами экономической, социальной, демографической и культурной политики, с тем чтобы привести эти тенденции в большее соответствие с неоспоримыми интересами общества. Примером такого ответа могут служить меры, направленные на снижение смертности.

Но не менее важно, воздействуя на те процессы и тенденции, которые поддаются изменениям, осознать, что современное демографическое развитие во всех странах порождает и такие тенденции, которые изменить нельзя. Пример — не раз упомянутое в докладе демографическое старение. В подобных случаях ответ на вызовы заключается не в том, чтобы противиться объективно неизбежным переменам, даже если они кажутся нежелательными, а в том, чтобы наилучшим образом приспособиться к необратимо изменившейся ситуации. Соответственно, и политика должна способствовать скорейшей адаптации общества к новым условиям его демографического бытия.

Россия, как и любое другое современное государство, сталкивающееся с демографическими вызовами, стоит перед необходимостью выработать и реализовать политику в отношении всех трех демографических процессов: рождаемости, смертности и миграции. И во всех трех случаях необходимо учитывать, что политика — это искусство возможного, хотя возможности каждого из трех направлений политики не одинаковы.

Наиболее ограничены возможности политики в области рождаемости, особенно если понимать ее как пронаталистскую, направленную на увеличение среднего числа рождений. «Количественные» цели такой политики не имеют большой перспективы. Возврат к высокой рождаемости прошлых эпох невозможен, потому что огромное снижение смертности сделало такую рождаемость ненужной. Речь может

идти только о небольших подвижках в рамках низкой рождаемости, которые могут служить некоторым индикатором социального благополучия семей и в этом смысле оцениваться как позитивные, когда рождаемость растет, или как негативные, когда она падает. Именно в этом смысл рекомендуемого в этом докладе смещения акцента с демографической на семейную политику. Но сколько-нибудь существенного вклада в решение проблем недонаселенности России или структурных дисбалансов ее возрастной пирамиды такие подвижки внести не могут.

Намного больше нереализованных возможностей у политики охраны здоровья и снижения смертности. Об этом говорит сам факт отставания России по продолжительности жизни и по продолжительности здоровой жизни от очень многих стран, в которых эти возможности реализованы в гораздо большей степени. Ликвидация этого отставания — очевидная цель политики, однако формулировать эту цель можно по-разному. Можно ориентироваться на постепенное сокращение этого разрыва, как это сделано, например, в недавно сформулированных на высоком уровне установках повысить продолжительность жизни в России до 76 лет к 2025 г. Учитывая, что в очень многих странах этот показатель уже сейчас превышает 80 лет и продолжает расти, если России и удастся их догнать, то — при таких установках — лишь через несколько десятилетий. Если же считать такое отставание недопустимым, то надо ставить вопрос о более масштабном прорыве, но он возможен только при концентрации на решении этой задачи намного большего внимания и больших ресурсов, чем сейчас.

И наконец, еще больше возможностей у миграционной политики, по крайней мере — теоретически. Применительно к российской ситуации — это вопрос об использовании иммиграции как демографического ресурса для компенсации естественной убыли и обеспечения демографического роста. Подчеркнем, что в данном случае речь идет не о временной трудовой миграции, необходимой для покрытия дефицита на рынке труда (это скорее экономический, а не демографический вопрос, хотя это тоже область миграционной политики), а о постоянной миграции, заканчивающейся натурализацией мигрантов и их превращением в полноправных граждан России. Здесь от политики зависит очень много, ее возможности весьма велики, хотя тоже не безграничны. Потенциальными источниками миграции в Россию, как и во все развитые страны, могут стать многие перенаселенные регионы Азии и Африки. Главные же ограничения связаны с «интеграционной емкостью» российского социума: она определяет порог, до которого прием мигрантов — представителей другой культуры, религии и т. п. — не вызывает недовольства местного населения, не порождает напряжений и конфликтов. Расширение «интеграционной емкости» само становится важнейшей задачей миграционной политики, и от того, насколько успешно удастся решить эту задачу, зависит и то, в какой степени Россия сможет ответить на стоящие перед ней демографические вызовы.

ЦЕНТР
СТРАТЕГИЧЕСКИХ
РАЗРАБОТОК

125009, Москва, ул. Воздвиженка, дом 10

тел.: **(495) 725 78 06, 725 78 50**

е-mail: **info@csr.ru**

web: **csr.ru**